

Die Suche nach der neuen Isis, der göttlichen Sophia

Vier Vorträge, gehalten in Basel am 23. Dezember 1920 und in Dornach vom 24. bis 26.

Dezember 1920

GA 202

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Поиск новой Изиы, Божественной Софии.

Четыре доклада, прочитанных: в Базеле 23 декабря 1920 г. и в Дорнахе с 24 по 26 декабря 1920 г.

GA 202

«Мост между духовностью мира и физическим человека»

Первый доклад

1920 г.

Во время трёх годовых праздников Христианский мир вспоминает о том Существо, Которое даёт им смысл в земной жизни и из Которого излучается сильнейшая сила этой земной жизни. Из этих трёх праздников праздник Рождества предъявляет наибольшие требования к нашему ощущению; он хочет некоторым образом наше ощущение как можно больше запечатлеть в душе. Праздник Пасхи предъявляет наибольшие требования к тому, что мы называем человеческим разумом, человеческим осознанием, праздник Троицы - к человеческим желаниям. И собственно говоря, люди постигают то, что должно быть заключено в Мистерии Рождества, только через запечатление, через углубление ощущения, представляющего нам всё наше человеческое существо, нашу ценность и наше достоинство как человека.

И только правильно и достаточно глубоко ощутив то, чем человек является во вселенной, люди воздадут должное тому настроению, которое должно быть истинным настроением Рождества. Только полностью осознав чудо, содержащееся в пасхальной Мистерии, чудо воскресения, они отдадут должное этой пасхальной Мистерии; и только увидев в празднике Троицы нечто, означающее силу для развития наших волевых импульсов и возвышающее нашу волю над одними только земными инстинктами, они в правильном свете увидят то, чем должен быть праздник Троицы.

Христос Иисус находится в отношении с отцовскими принципами вселенной - это представляет нам праздник Рождества. Христос Иисус находится в отношении с тем, что стало привычным называть приложением Сына - это представляет нам пасхальная Мистерия. С тем, что в качестве Духа пропядает мир и струится сквозь него, Христос находится в такого рода отношении, как нам это представлено в Мистерии Троицы.

Глядя вокруг себя на внешнюю природу, мы видим, как во внешнее физическое бытие и человек вступает благодаря силам этой природы. Из всего пришедшего к нам из духовной науки, мы знаем, что эту природу мы рассматриваем в ошибочном смысле, если смотрим на неё, судя только по её физически чувственной формальной стороне. Мы знаем, что божественные силы выткали природу, и мы в правильном смысле слова осознаем своё происхождение из природы только тогда, когда сможем смотреть на это Божественное, пропядающее природу и струящееся сквозь неё. В таком случае мы с восхищением поднимаем взор на принцип Отца природы. Всё, что как Божественное пропядает природу и струится сквозь неё, в смысле древних религий, а также в смысле правильно понятого христианства для нас является приложением Отца. Заметили ли мы, как на лугу растёт цветочек, заметили ли мы, как из облака гремит гром, и молния, сверкая, стремглав устремляется вниз, видим ли мыдвигающееся по небу Солнце и сияющие звёзды, слышим ли мы шум родника и многоводной реки - если мы в этих внешних откровениях природного бытия обнаружили таинственно проявляющийся первоисточник всякого становления, то мы заметим также и то, что нас самих встраивают в этот мир через мистерию физического рождения.

Но в отношении существа человека эта мистерия физического рождения всегда остаётся чем-то необъяснимым, если мы не можем связать её с тем, что мы переживаем благодаря сердечному ощущению, вспоминая о Мистерии Рождества, памятуя о младенце Иисусе, вошедшем в человечество через мальчиков Иисусов (1). О чём говорит нам существование этих мальчиков Иисусов? Оно говорит нам ни о чём ином, как о недостаточности быть только рождённым для полного человеческого бытия, следовательно, присутствовать в мире только через те силы, которые в качестве физических сил рождения ведут в бытие всех существ, а также и человека. Эта святая Мистерия Рождества при созерцании детства Христа свидетельствует нам, что истинное человеческое бытие не может быть просто рождено в нас, но оно должно родиться заново в глубинах души, и что человек в ходе своей жизни внутри своего душевного бытия

должен испытать нечто, что только и делает его полным человеком. И то, что он должен тут испытать, он может претерпеть, только пережив это в совместной жизни с тем, что в младенчестве вступило в земное развитие на праздник мирного Рождества.

Глядя на детство Иисуса, мы должны себе сказать, только благодаря тому, что это Существо в ходе развития человечества выступило среди людей, человек уже в полном смысле слова способен быть человеком, то есть, полученное через рождение связать с тем, что он может ощутить через себя самого благодаря чувству беззаветной любви к Существо, спустившемуся с духовных высот, чтобы через великую жертву связать себя с человеческим бытием.

Для многих людей первых христианских столетий было большим переживанием - созерцать вхождение в земное развитие Существа Христа. В определённой мере благодаря этому для них стало очевидно двойное происхождение человека: его физическое и его духовное происхождение. Одно рождение - это то, через которое проходит Иисус. На земнорождённое дитя взирает Христос, глядя на Иисуса во всемирное Рождество, однако, Он говорит себе: Тут рождено другое Существо, чем остальные люди, Существо, благодаря которому другие люди смогут получить именно то, что они не могут получить лишь через физическое рождение. И наше восприятие углубляется, если мы слово понимаем в правильном смысле и с подлинной любовью: мы должны быть дважды рождёнными - один раз через силы природы и другой раз рождёнными снова через силы Христа Иисуса. Наше единение со Христом Иисусом - это то, что через Христа Иисуса приводит нас уже к полному осознанию нашей человеческой ценности и нашего человеческого характера. И извлекая урок из развития столетия, мы должны спросить себя: всегда ли одинаково глубоким оставалось это восприятие в отношении рождения Христа Иисуса? Осматриваясь в мире, мы не можем сказать, что мы и в нынешнее время обладаем той глубиной ощущения в отношении Мистерии Рождества, которая существовала в Европе ещё 5-6 столетий тому назад. Посмотрите, рождественская ёлка есть нечто прекрасное, нечто очень привлекательно говорящее нашей душе. Но рождественская ёлка не является чем-то древним, её возраст - едва ли два столетия. Она сравнительно быстро вошла в обычай в европейских странах, но всё же только в новое время она возродилась для украшения праздника Рождества. Что всё-таки в действительности она представляет нам? Она представляет нам красивую, любезную, симпатичную сторону того, что в новом развитии человечества предстает перед нашей душой также и по-другому, менее симпатичным, менее привлекательным образом. Вероятно, импульсы, из которых, собственно, появилась в новое, в последнее время рождественская ёлка исследуют ещё глубже и найдут только таинственные ощущения, из которых возникло рождественское дерево. Но все эти таинственные ощущения склоняются к тому, что в рождественской ёлке мы должны всё же видеть нечто вроде символа райского дерева. О чём же это нам говорит? Это нам говорит о том, что люди становились всё более и более чуждыми тому, что предлагалось их ощущению, когда это ощущение направлялось к яслям, к Мистерии Рождения Христа Иисуса, к тому, что произошло в начале нашего летосчисления; что новое человечество некоторым образом утратило в душе это возрождённое становление человека, и это новое человечество от дерева Христа, представляющего собой Крест, хочет оглядываться на тот источник, который о Христе ещё ничего не знает: на исток самого земного человечества, на начало становления человечества, от Христа назад к раю, от празднования дня Рождества, 25-го декабря, к празднованию праздника Адама и Евы, 24-го декабря.

То, что здесь установилось, стало прекрасным, поэтому что ведь происхождение человечества так же прекрасно, как и происхождение рая, но это отклонение от подлинной Мистерии рождения Христа Иисуса. Это взирание на рождественскую ёлку сохранило всю глубину и сердечность ощущения. И это созерцание рождественской ёлки, каждый год выступающее из глубины человеческой души у тех, которые обладают доброй волей, утешает по поводу другого - того, что теперь в новое время менее симпатичным образом отклонилось от Мистерии Христа и ведёт к изначально-природным силам происхождения антропогенеза.

Христос Иисус выступил среди народа, почитаемого Ягве, Иегову, того бога Ягве, который связан со всем тем, что является природным бытием, который живёт здесь в молнии и громе, живёт в ходе облаков, звёзд, живёт в шумящем источнике, в потоке, в росте растений, животных и человека. Ягве - это тот бог, который, если связать себя только с ним, никогда не сможет дать человеку полной человечности. Ибо он даёт человеку осознание его природного рождения, разумеется, с его духовным элементом сил, являющихся не только природными, однако, он не даёт человеку осознания его второго

рождения, которое он должен себе приобрести с помощью кое-чего, что ему не может быть дано через природно-чувственно-физические силы. Итак, мы всё же видим, как новое человечество отклонилось от Христа Иисуса, для которого полностью отсутствует различие классов, народов и рас, для которого есть только одно человечество; мы видим, как мысли и ощущения нового человечества отклонились к тому, что уже было преодолено через Мистерию становления рождения Христа Иисуса - к тому, что только и лежит в основе природных сил происхождения человечества, связанных с дифференциацией человечества на классы, народы и расы. И если был один Ягве, которого почитал иудейский народ, когда пришёл Христос Иисус, то современные народы вернулись ко многим Ягве! Ибо то, что почитают народы из современных национальных принципов - хоть и не обозначается уже древними именами то, что они так почитают, чтобы разделить на национальности и как нации враждовать друг с другом, - это суть многие Ягве. И мы переживаем, как народы борются друг с другом в кровавых войнах, и как каждый при определённых обстоятельствах ссылается на Христа. Но в действительности тот, на кого в таком случае ссылаются народы, не Христос. Это только Ягве, не единый Ягве, а один Ягве. Люди только вернулись к нему. Люди забыли, какой прогресс заключён в том, что продвинулось вперёд от принципа Ягве к принципу Христа. Это другое.

Прекрасно ведёт нас рождественская ёлка назад к истоку человека, безобразно ведёт нас назад овладевающий народами принцип Ягве. Это факт, что они часто вследствие внутренней лживости называют Христом то, что является только Ягве, значит, по сути дела злоупотребляют Именем Христа. В настоящее время плодотворно злоупотребляют именем Христа, и мы не найдём истинного углубления чувства, которое сегодня нам необходимо, чтобы снова правильным образом почувствовать в себе Мистерию Рождества, если ясно не осознаем, как мы должны снова искать путь, чтобы найти это чувство в отношении Христа Иисуса. Мы нуждаемся в новом понимании того, что дошло до нас и в отношении рождения Христа Иисуса.

В праздник Мирового Рождества возвещается о Христе, об Иисусе людям двоякого рода, представляющим собой, конечно, то же самое одно человечество: необразованным бедным пастухам в поле, которые в себя ничего не восприняли, кроме наивного человеческого разума и наивной человеческой души, и сообщается о Нём мудрецам с Востока, то есть из страны мудрости. Сообщается им о Нём через высочайшее восхождение к их мудрости - к чтению по звёздам. Итак, о Христе Иисусе возвещается простым душам пастухов и возвещается о Христе Иисусе через высочайшую мудрость трёх магов-мудрецов с Востока. Глубочайший смысл покоится в этом противопоставлении возвещения о Христе Иисусе, с одной стороны, наивным пастухам, и с другой стороны, мудрецам мира.

И как же даёт о себе знать Христос Иисус наивным, бедным пастухам в поле? Они созерцают душевным взором светлого ангела. Пробуждается их видение, пробуждается их ясновыслушание. Они слышат глубокие слова, которые должны стать для них смыслом земной жизни в будущем: Открывается Бог в высях, и установится мир на Земле среди людей, которые могут быть людьми доброй воли. - Из душевных глубин поднимается та способность, благодаря которой на Рождество бедные простодушные пастухи, без принятия какой-либо мудрости, переживают то, что открывается миру. То же самое откровение является мудрецам Востока, волхвам, из точнейшего наблюдения хода звёзд, из совершенства той мудрости, которая была в состоянии достичь даже Мистерии Голгофы - то же откровение! Одни, бедные, наивные пастухи, читают его в человеческом сердце и проникают вплоть до глубочайшей точки человеческого сердца. Тут они становятся ясновидящими, тут сердце из силы своего видения открывает им приход Спасителя человечества. Другие смотрят на весь обширный небосвод. Им известны тайны пространственных далей и развития времён, они достигли мудрости, благодаря которой могут почувствовать и отгадать эти тайны далей пространства и развития времён. Тогда им открывается Мистерия Рождества.

Нам указывается, как из одного и того же источника истекает то, что живёт во внутреннем человеке и в далях пространства. И то и другое в том виде, как это развилось до Мистерии Голгофы, уже находится в состоянии отмирания. У пастухов, на которых указывается как на тех, которыми воспринято провозвестие, было ещё достаточно сильным ясновидение, исходившее из оживлённого человеческого сердца, чтобы воспринять голос: Открывается Бог в высях, в небесах, и на Земле устанавливается его мир среди людей, имеющих добрую волю. - Я бы сказал, у пастухов, которых карма, судьба, привела к тому месту, где был рождён Христос, благодаря их внутреннему

благочестию ещё существовали последние остатки такого возникновения ясновидения. А из той древней святой мудрости, которая в послеатлантическое время расцвела сперва в древней Индии, затем главным образом в Персии, потом в свою очередь в Халдее, которая распространялась, и её последние остатки имелись также ещё среди тех, у которых мы должны искать трёх магов с Востока, - вот из этой древней святой мудрости, обошедшей мир в пространстве и во времени, снова открылась эта Мистерия Рождества, когда представители этой мудрости достигли наивысшего подъёма. Но для нас и то и другое теряется в пятой послеатлантической эпохе.

Для всего человечества уже не является живым и деятельным то, что привело к ясновидению бедных пастухов, что привело мудрецов Востока к прозрению тайн пространства и времени. Мы должны были обрести человека, рассчитывающего на самого себя. Как человечество мы должны были пройти через оставленность Богом, чтобы обрести свободу в этой оставленности и в одиночестве человеческого существования. Но мы должны снова прийти к соединению с тем, что, с одной стороны, стало высочайшей мудростью у магов Востока и что, с другой стороны, возведено пастухам в поле через углублённое сердечное созерцание.

Все силы продолжают развиваться. Чем стало беднее то, что благодаря развитию ещё ясновидящего рассудка знали мудрецы Востока как свою астрологию, как их род астрономии? Мы не поймём развития человечества, если не заглядываем в такие вещи. Беднее это превратилось в мёртвую математику и геометрию. Мы рассматриваем сегодня абстрактные образы, получаемые нами в школе в геометрии и в математике: это последние остатки того, чем в живом блеске в космическом свете овладела та древняя мудрость, которая привела к Христу трёх магов с Востока. Внешнее созерцание стало мышлением пространства и времени. В то время как маги Востока были способны, созерцая, вычислить из разгадывания пространственных тайн, что в эту ночь рождается Спаситель, наши астрономы, преемники тех астрологов, вычисляют разве только ещё будущие солнечные и лунные затмения или подобное этому. И в то время как бедные пастухи в поле из глубины своего сердца поднялись к созерцанию того, что непременно было связано с ними, к созерцанию рождественской Мистерии и к слышанию небесного провозвестия, современному человеку осталось лишь созерцать внешнюю чувственную природу. Созерцание внешней чувственной природы представляет собой наследие наивности пастухов так же, как наши расчёты будущих солнечных и лунных затмений представляют собой наследие мудрецов Востока.

Пастухи в поле были вооружены углублённым сердечным чувством, благодаря чему они в своём ясновидении пришли к созерцанию Мистерии Рождества. Наши современники вооружены телескопом и микроскопом. Ни телескоп, ни микроскоп не приведут к пониманию того, что решает глубочайшую загадку человека, как это совершило сердце пастухов в поле. Никакое предвидение, осуществляющееся с появлением расчётов солнечных и лунных затмений, не приводит к пониманию человеком, необходимого хода мира как это смогла сделать мудрость, звёздная мудрость магов Востока. Как всё дифференцированное сливается в человечестве в единое человеческое ощущение, когда мы говорим себе: Пережитое пастухами в поле через благочестие своих сердец безо всякой мудрости - это то же, что двигало высочайшей мудростью магов с Востока! Оба факта удивительно поставлены рядом друг с другом в Христианской традиции.

В сущности, в новое время мы утратили оба пути, на которых человечеству открывается понимание рождения Христа. Мы вернулись от ясель к рождественской ёлке, к райскому дереву; мы вернулись от Христа, принадлежащего всему человечеству, к народным богам, которые как раз и являются многими Ягве, но не Христом. Ибо так же, как истинно то, что в глубочайшем существе человека обнаруживается общее для всех людей, истинно и то, что открывающееся через все дали пространства и через все тайны времён есть равным образом общее для всех людей.

В глубине человека есть нечто, говорящее ни о чём другом, как только о человеческом бытии, которое упраздняет всякое человеческое разделение. А уж в этой глубине находят Христа. И есть мудрость, превышающая всю остальную, которую можно обнаружить в отдельных частях мирового бытия - та мудрость, которая охватывает мир в его единстве и в пространстве и во времени. Но в то же время - это та звёздная мудрость, которая ведёт ко Христу. Мы снова нуждаемся в новой форме того, благодаря чему нашли путь ко Христу Иисусу, с одной стороны, пастухи в поле, и, с другой стороны, маги с Востока. Другими словами, мы нуждаемся в углублении нашего внешнего созерцания природы с помощью того, что может развить человеческое сердце

в духовном созерцании природы. Мы должны снова искать, обращаясь к тому, ради чего в новое время, мы имеем только микроскопы, телескопы, рентгеновские аппараты и тому подобное, и приучать себя снова смотреть с помощью тех сил, которые приходят из благочестия человеческого сердца. Тогда нам будут говорить не только равнодушно растущие растения, шумящий поток и источник, молния и гром из облаков, тогда из всего того, что говорят на поле цветочки, из всего того, что говорят из облаков гром и молния, из всего того, что говорят сияющие звёзды и сияющее солнце - из всего этого, словно результат всякого наблюдения природы, в наши глаза, в наши уши, к нашим сердцам устремляя слова, которые, однако, ничего другого и не возводят, как: Открывается Бог в небесных высях, и должен быть на Земле мир среди людей, которые являются людьми доброй воли.

Должно прийти время, когда наблюдение природы вырвется из лабораторий и клиник сухого, рассудочного, нечеловеческого типа, и будет пронизываться лучами такой жизни, благодаря которой то, что больше не может возникать для нас так, как у пастухов из Вифлеема, будет возникать для нас через голоса, говорящие нам из растений, из животных, из звёзд, из источников и потоков. Ибо вся природа возвещает то, что говорит ангел провозвестия: Открывается Бог в небесных высях, и может установиться на Земле мир среди людей, которые хотят быть людьми доброй воли.

Нам нужно то, что открылось магам через внешнее наблюдение звёзд, нам нужно это через пробуждение нашего внутреннего. Как мы должны вслушиваться в природу и определённым образом из внешнего существа природы снова слышать пение ангела, так мы должны быть в состоянии из глубин человека через интуицию и интуицию получить астрономию и решение мировых загадок. Для нас должна возникнуть духовная или тайная наука, которая почерпнута из глубин человека. Мы должны познать собственное существо человека. И собственное существо человека должно рассказать нам о становлении мира через тайны Сатурна, Солнца, Луны, Земли, Юпитера, Венеры и Вулкана. Мы должны в своём внутреннем ощутить возникновение вселенной. Со времени Мистерии Голгофы вывернулось то, что может происходить с человеком в отношении его созерцания глубочайших тайн мира.

Есть старый способ изображать небесные сферы; он был присущ уже персидским магам. Они смотрели на небо и физически видели в Зодиаке созвездие, называемое Девой, а духовно усматривали в этом созвездии то, что физически можно заметить только в созвездии Близнецов. Эта мудрость, которая жила в человеке так, что он мог услышать, заметить созвучие между созвездием Девы и созвездием, находящимся в квадранте, под прямым углом к ней - созвездием Близнецов, сохранялась. Это изображалось так, что на месте созвездия Девы изображалась Дева со связкой колосьев, но также и с младенцем, являющимся лишь представителем Близнецов, представителем мальчиков Иисусов. Это было астрологическим созерцанием особенно в персидскую эпоху.

Пришло другое время - эпоха египто-халдейского развития. Тут таким же образом смотрели в направлении созвездия льва, как в персидскую эпоху смотрели на созвездие Девы. Но теперь в квадранте Льва был дан Телец, и возникла религия Митры, почитание Тельца, так как в созвездии Льва увидели созвездие Тельца.

И пришло время Греко-латинской эпохи, в которую Рак играл ту же роль, что и Дева среди персов, и увидели стоящим в квадранте к созвездию Рака созвездие Овна. Тут имел место поворот, и дело пошло по другому пути. Вплоть до Греко-латинской эпохи, до Мистерии Голгофы астрономия была чем-то таким, чего надо было достигать как внешней науки; человеческое познание было таким, что заглядывали в пространство и обнаруживали тайны звёздных миров, тайны пространства и времени, таким, что вживались в человеческое внутреннее и через облагораживание сердца приходили к созерцанию внутренних тайн. В Греко-латинскую эпоху это положение перевернулось. То, что раньше могло быть пережито внутренне, всё больше должно было переживаться через созерцание внешней природы.

Мы должны стать такими же благочестивыми, какими были в своём сердце пастухи в отношении кровеней природы. Как они пришли к духовному видению в своём внутреннем мире, так и мы должны прийти к духовному видению в природе. И с другой стороны мы должны также совершить путь Рака. Мы должны прийти к астрономии внутреннего, чтобы из созерцающих сил суметь во внутреннем человека воскресить ход мира через эпохи Сатурна, Солнца, Луны, Земли, Юпитера, Венеры, Вулкана: астрономия из внутреннего, как прежде астрономия из внешнего; благочестие в наблюдении природы, как раньше благочестие в духе пастухов в поле. Если мы сможем углубить то, что

сегодня в наблюдении природы выст^тпает в нас так бездуховно, если, с другой стороны, мы творчески осуществим то, что сегодня так серо пере^живается в голых математически-геометрических об^разах, если путём внутреннего переживания мы снова возвысим математику до той славы, которую имела древняя астрономия, если углубим наблюдения при^роды до той сердечной глубины и того благочестия, которое переживали пастухи в поле, если внутренним путём мы переживём то, что маги переживали из звёзд, если во взгляде на внешнюю природу мы ст^анем такими же благочестивыми, какими были пастухи в поле, - тогда мы будем переживать во внешнем на^блюдении природы благодаря благочестию, а во вну^треннем - благодаря исполненному любви наблюд^ению мировых событий; тогда мы снова найдём путь к Мистерии Рождества подобно тому, как нашли путь к яслям пастухи в поле, став внутренне благочестив^ыми, и маги с Востока, ставшие мудрецами через внешнее.

Должен быть снова найден путь к Мистерии Ро^ждества. Мы должны стать в отношении природы так^ими же благочестивыми, какими в своих сердцах были пастухи. Мы должны в нашем внутреннем созерцании стать такими мудрыми, какими стали маги при на^блюдении планет и звёзд в пространстве и во времени. То, что маги развивали во внешнем, мы должны ра^звить во внутреннем. То, что наивные пастухи в поле развили в своих сердцах, мы должны развить в нашем общении с внешним миром, - тогда мы найдём путь, истинный путь к глубокому ощущению Христа, к и^сполненному любви пониманию Христа. Тогда мы найдём путь к Мистерии Рождества. Тогда мы сможем с правильными мыслями и с правильным чувством рядом с первоначальным деревом из рая поставить я^сли, говорящие нам не только о том, как человек вошёл в мир через природные силы, но как уже через новое рождение он может осознать себя в своём полном ч^ловеческом бытии.

Тот, кто говорит сегодня о Мистерии Рождества, должен перед человечеством поставить требование, обращенное к будущему. Мы живём в те серьёзные времена, когда нам необходимо уяснить себе, что мы должны сперва стать людьми в истинном смысле. Мы ещё не достигли того, что полностью запечатлело бы в душе мудрость магов, что позволило бы благочестию пастухов всецело течь во внешний мир. Необычайно требовательно стоит перед вратами человеческого б^ытия социальный вопрос. В последние годы он принёс ужасное; и он становится всё более и более угрожа^ющим, и только спящие души могут не замечать это у^грожающее. Европа готовится стать руинами культуры. Из своего хаотического состояния она не поднимется иначе, как только благодаря тому, что люди найдут возможность в совместном социальном бытии снова развить неподдельное истинное человеколюбие. Они не разовьют его иначе, чем через углубление и запечатление в душе своих чувств благодаря тому, что в рассмотрении природы смогут стать такими же бла^гочестивыми, какими были пастухи в поле, когда ч^лез их внутренние силы ангел возвестил им об откр^ытии богов в высях и о мире на Земле внизу. И с с^оциальной жизнью справятся только с этими силами и только тогда, когда созерцаемое в далях пространства и в ходе времён войдёт во внутреннее так, что человек увидит истинное Существо мирового Духа точно так же, как китаец, американец, а в середине между ними - европеец, видят одно и то же Солнце. Было бы смешно, если бы одним Солнцем пользовался китаец, одним - русский, другим - средний европеец, ещё другим - француз и следующим - англичанин! Как Солнце является одним единственным, так и Солне^чное Существо, несущее людей, - одно единственное.

Посмотрим в дали мира: мы обнаружим требов^ание к единению человечества. Заглянем во внутренние глубочайшие тайны человека: мы увидим требование к единению человечества. То, что тут является снару^жки, даже самое духовное, говорит не о дифференци^ации человечества, не о раздорах; то, что говорит в глубочайшем внутреннем, говорит не о дифференци^ации человечества, не о раздорах. Пастухам в поле тот голос, который они слышали слухом своего сердца, возвестил, что из далёких явлений вселенной откр^ывается Божество, и что через принятие Божества в собственные души может наступить мир среди людей, являющихся людьми доброй воли. Это должно воз^встаться новому человечеству из всего окружения при^родного бытия. Тайны звёзд сказали магам с Востока, что здесь на Земле родился Христос Иисус. Это дол^жно возвеститься новому человечеству из наблюдения того, что может раскрыться, выявляясь в его внутре^ннем.

Нам нужен новый путь. К нам снова проникнет голос: *Измените сознание* (2), по-новому посмотрите на ход мира! - И если правильно смотреть на ход ми^ра, если рассматривать ход человечества, к которому принадлежим мы сами, то найдёшь путь к той тайне, которая открылась как пастухам, так и развившимся мудрецам, и которая

откроется нашему внутреннему созерцанию мира и нашему внешнему созерцанию мира. Когда мы, если сможем, достаточным образом углубимся во внешнее и во внутреннее созерцание мира, когда найдём внутреннюю мудрость магов, направляющую нас так же, как вела мудрецов с Востока внешняя мудрость магов, когда мы найдём внешнюю мудрость, ведущую нас к благочестию так же, как благочестие вело пастухов в поле, - тогда мы снова с правильным внутренним ощущением будем смотреть на то, что заключено в Мистерии: то, что стало потом, Христом, рождено для всякого - без различения того, как этот всякий обычно проявляет себя среди людей - ставит ли себя в человечестве внешним образом, или замыкается внутри.

Мы должны снова найти тайну Рождества Иисуса. И найти её мы должны, заботясь в себе обо всём том, о чём сегодня должны были говорить. В себе самих мы должны найти свет Рождества, как пастухи в поле - свет ангела. И мы должны, как маги с Востока, найти звезду с помощью силы истинной духовной науки. Тогда нам откроется некоторый путь к тому, что держит тайна Рождества. Мы должны снова её познать: она напомнит нам о втором рождении человека.

Если мы работаем над тем, чтобы возродить среди людей тайну Рождества, то мы овладеем в правильном смысле и тайной второго рождения существа человека. Это то, о чём нам своеобразно говорят в *одном, не признанном церковью Евангелии* (3), где рассказывается, что особенностью одного мальчика Иисуса было то, что он сразу же после своего рождения обратился к своей матери с определёнными словами. Несомненно, в правильном роде мы подходим сегодня к младенцу, лежащему в яслях, если слова, которые он хочет нам сказать, мы слышим правильно: Пробудите в себе рождественский свет, и свет Рождества во внешнем мире тоже предстанет вам, вместе с вашими близкими, в правильном смысле.

Второй доклад

Дорнах, 24 декабря 1920г.

В празднике Рождества христианству дано нечто такое, что ведёт непосредственно вверх за самые широчайшие сферы к высочайшим вопросам развития человечества на Земле. Можно рассматривать историческое становление с какого хочешь момента, можно для понимания человеческого становления, для обожновения смысла этого человеческого становления на Земле привлекать исторические события, но не найдёшь такого значительного подъёма к этой Мистерии становления человека в такой популярной, повсюду понимаемой форме, какой является мысль о Мистерии Голгофы, какой является мысль, заключённая в празднике Рождества.

Когда мы смотрим на начало очеловечивания на Земле и прослеживаем тысячелетия до Мистерии Голгофы, то повсюду находим, что, если даже и совершается среди народных образований что-то великое, это свершение есть род приготовления, род предварительного этапа для того, что произошло ради человечества через Мистерию Голгофы. И опять-таки, проследив то, что произошло с тех пор, мы, если внимательно присмотримся, сможем понять, как Христос, прошедший через Мистерию Голгофы, стал действенным для этого становления человечества. В этом становлении человечества пока ещё многое может казаться таким непонятным. Если исследовать без мелочности, без суеверия, ведущего примерно в том направлении, что человеку без его участия должны были бы помогать какие-либо неизвестные боги тогда, когда он считает, что эта помощь была бы уместна; если отказаться от таких воззрений, то обнаружишь, что даже в мучительных событиях всемирноисторического становления можно признать, какое значение, какой смысл получило это земное становление благодаря тому, что Христос прошёл через Мистерию Голгофы. Нам побуждает рассматривать именно эту Мистерию Голгофы - и Мистерия Рождества, конечно, тоже относится к этому - с той точки зрения, которая в определенной мере могла бы раскрыть в ней смысл всего земного человечества.

Мы знаем, в какой тесной связи мы должны видеть совершающееся в человеческом развитии морально-духовно, с тем, что совершается в природе. И мы можем ради этого мостика между природным бытием и моральным миропорядком подойти с определённым пониманием также к отношению, занимающему нас многие годы, к отношению Христа Иисуса к тому существу, чьё внешнее отражение является в Солнце. Не всегда сторонники и представители христианского импульса были так враждебно настроены относительно признания этой связи между солнечной мистерией и мистерией Христа, как это часто происходит с нынешними, пришедшими в упадок представителями христианства. Дионисий Ареопагит (4), о котором мы ведь довольно часто говорили, называет Солнце памятником Бога (5). И у Августина (6), и даже у

схоластиков, мы ещё повсюду непременно находим указание на то, что за духовно-душевым блуждением в мире надо видеть образное во внешних светлых (7) и в их движениях.

Однако, исходя из той великой связи, из Мистерии Рождества мы должны постичь то, что должно быть для нас естественным именно из-за великих задач современности. Я хотел бы кое-что напомнить из того, что в ходе лет всё снова по-разному высказывал вам. Я говорил: мы оглядываемся на первую послеатлантическую эпоху, заполненную действиями и событиями древнеиндийского народа; мы оглядываемся на древнеперсидскую эпоху послеатлантического человечества, на египто-халдейскую, на греко-латинскую и доходим затем до нашей жизненной эпохи, до пятой эпохи послеатлантического человечества. За нашей последующей шестая и затем седьмая. Я уже говорил вам, что четвертая, греко-латинская жизненная эпоха послеатлантического человечества в известной мере находится в середине между третьей и пятой, следовательно между египто-халдейской эпохой и нашей, и состоит с ними в определённой связи - вы можете об этом также прочесть в моей книжечке «*Духовное водительство человека и человечества*» (8), - и что некая связь опять-таки будет существовать между древнеперсидской и шестой, и древнеиндийской и седьмой жизненными эпохами послеатлантического человечества. Определённые вещи некоторым образом соответственно повторяются в эти жизненные эпохи.

Однажды я указывал на то, как великий *Кеплер*, последователь Коперника, имел предчувствие того, что своей солнечно-планетной системой он определённым образом повторил, конечно, подобающим для пятой послеатлантической эпохи образом, то, что в египетских жреческих мистериях жило как система мира. В некотором отношении по поводу этого *Кеплер высказывается*, конечно, весьма *радикально* (9). Он говорит, что заимствовал сосуды учителей древней египетской мудрости, чтобы внести их в новое время. Однако, сегодня мы вспомним кое о чём, что в известной степени находилось в центре воззрения культовых обрядов египетских жреческих мистерий. Мы вспомним мистерии Изиды. Чтобы представить себе духовную связь мистерий Изиды с тем, что живёт и в христианстве, нам нужно лишь направить свой душевный взор к известной картине «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, где Мадонна держит на руке младенца Иисуса, позади неё облака, представляющие собой на самом деле исключительно младенцев, так что можно получить представление, что Мадонна приняла младенца Иисуса вниз из облаков, некоторым образом через уплотнение тонких субстанций. Но эта картина, созданная всецело из христианского духа, есть ведь ничто иное, как род повторения того, что почитали в египетских мистериях Изиды, когда её изображали с маленьким Горусом на руке. Мотив этой картины полностью совпадает с рафаэлевской картиной. Само собой разумеется, нам не следует соблазняться тем, чем, начиная с XVIII века, весь XIX век и вплоть до наших дней, соблазнялись многие поверхностные люди по поводу таких вещей, считая, что, возможно, в истории Христа Иисуса и всего относящегося к этому следует видеть лишь род метаморфозы, перерабатывание древних языческих мистерий. Из моей книги «*Христианство как мистический факт*» (10) вы знаете, как следует это понимать. Но именно в подразумеваемом там смысле можно снова указать на определённое духовное совпадение с древними языческими мистериями того, что выступает в христианстве.

Сущностью этой мистерии Изиды является смерть Озириса и поиск мёртвого Озириса Изидой. Мы знаем, что Озириса, представителя солнечного существа, представителя духовного Солнца убивает Тифон, являющийся никем иным, как египетским выражением Аримана. Мы знаем: Озириса убивает Ариман, бросает в Нил, и его уносит поток; Изида, супруга, отправляется на поиски и находит его по ту сторону в Азии; она возвращает его в Египет; тогда враг Ариман разбивает Озириса на куски, и Изида хоронит в разных местах четырнадцать кусков, так что впредь они принадлежат Земле.

Из этого образного представления можно заклчить, как глубоко осмысленно представляла себе египетская мудрость связь между силами неба и силами Земли. С одной стороны, Озирис - представитель солнечных сил. В то же время, пройдя через смерть, он является в различных местах той силой, которая, исходя из Земли, доводит всё плодоносящее как раз до этого плодоношения. Древний египетский мудрец одухотворённо представляет себе, как силы, приходящие от Солнца, принимаются Землёй, как потом они принадлежат Земле, и как в качестве солнечных сил, погребённых в Земле, они снова передают человеку плодоносящее из Земли. В основе египетского воззрения лежит то, что Озирис был убит, что его супруга Изида должна была отправиться на поиски Озириса и снова вернуть его в Египет, чтобы он действовал посредством

другим образом, а именно из Земли.

Ведь одна из египетских пирамид изображает это особенно осмысленно, ибо то, что стало для египтян разгадкой великих тайн вселенной, они записали не только в своей своеобразной письменности, но и воплотили в своей архитектуре. Одна из этих пирамид (11) по своим размерам была построена так точно, что солнечная тень этой пирамиды исчезала с весенним солнцестоянием, так как она падала на основание, и снова становилась видимой только после осеннего солнцестояния. Этим египтяне хотели выразить, как то, что обычно сияет им с Солнца, погружено с весны до осени в Землю, развивая силы Земли, чтобы, исходя из Земли, могло плодоносить всё необходимое человеку. Так что нам надо обратиться к представлению древних египтян, благодаря которому эти египтяне, с одной стороны, смотрели вверх на Солнце, на высокое солнечное существо, и почитали его, но в то же время указывали, как это солнечное существо в лице Озириса, разыскивалось Изидой и было найдено, чтобы затем продолжать действовать дальше иным образом.

И вот в нашу пятую послеатлантическую эпоху мы должны повторить кое-что из того, что внутри египетской мудрости появилось в другой форме; и, исходя из духовнонаучных подоснов, среди человечества должно распространиться понимание того, как в христианском духе мы должны снова рассматривать египетские жреческие мистерии способом, соответствующим нашему времени. Ведь Озирис для египтян представлял собой род представителя ещё не прошедшего Христа; однако, в Озирисе они представляли себе в своём роде солнечное Существо. Они считали, что это солнечное Существо некоторым образом утрачено и его нужно снова искать. Мы не можем представить себе, что наше солнечное Существо, Христос, прошедший через Мистерию Голгофы, мог бы проработать для человечества, когда он однажды спустился с духовных высот, связал себя с человеком Иисусом из Назарета и впредь остаётся с Землёй. Он здесь, и соответствующее рождественское песнопение каждый год может возвещать: «Для нас рождается Спаситель» (12), - выражая этим не преходящее, но вечное этого события, выражая этим, что Иисус родился не только тогда в Вифлееме, но, в сущности, он рождается непрерывно, то есть, остаётся при земном бытии. Итак, то, чем является для нас Христос, не может быть утрачено.

Но в наше время легенда об Изиде (13) должна проявиться исполненной по-другому. Для нас может быть утрачено не то, что в высшей мере даёт нам через Христа Озирис, но для нас может быть утрачено и уже утрачено, исчезнув для христианского понимания, то, что стоит рядом с Озирисом - для нас утрачена Изиды, мать Спасителя, божественная мудрость София. И если будет дано обновление легенды об Изиде, то для нас это обновление не может звучать так: Озирис убит Тифоном-Ариманом, он унесён водами Нила и должен быть снова найден Изидой, чтобы затем, будучи пленённым Тифоном-Ариманом, быть преданным Земле. Нет, мы должны некоторым образом найти легенду об Изиде, содержание мистерии Изиды, но сформировать её для нашего времени, получив из имажинации. Понимание вечных мировых истин будет снова дано, когда мы сможем имажинативно творить так, как это могли египтяне. Но мы должны найти новую легенду об Изиде. Человек Египта - как человек, живший до Мистерии Голгофы, - ещё был пронизан люциферическими силами. Когда во внутреннем человеке находятся люциферические силы, когда люциферические силы побуждают, прорабатывают и пронизывают внутреннего человека, тогда следствием является то, что в его внешнем воззрении проявляется в своей деятельности ариманическое. Отсюда египтянин, поскольку сам он пронизан люциферическим, по-праву видит картину мира, в которой действует Ариман-Тифон.

Мы должны уяснить себе, что современное человечество пропитано ариманическим и внутренне побуждается и импульсируется Ариманом так же, как египетский мир побуждался и импульсировался Люцифером. Но тогда, когда Ариман действует во внутреннем (14), человек видит свою картину мира в люциферической форме. Как же человек видит эту картину мира? Эта картина мира уже создана в люциферической форме, она здесь и в последнее время становится всё более и более популярной, она захватила все круги, желающие быть просвещёнными. Чтобы понять рождественскую Мистерию, надо иметь в виду: Люцифер - это та сила, которая стремится удержать картину мира на прежней стадии. Люцифер - это та сила, которая стремится в современную картину мира внести то, что существовало на прежних стадиях, которая хочет постоянно делать то, что было на прежних стадиях. Конечно, в современности присутствует всё то, что было моральным на прежних стадиях. У Люцифера весь интерес сосредоточился на том, чтобы всё моральное как таковое, которое всегда имеет большое

значение как присутствующее, поскольку действует в виде зародыша для будущего творения мира, выдѣлѣть из картины мира и во внешней картине мира дать проявляться только природной необходимости. Так обедневшему человеку нового времени представляется некая мудрость мира, дающая в то же время картину мира, в которой звѣзды вращаются в соответствии с аморальной, чисто механической необходимостью, в которой звѣзды вращаются так, что с их вращением мы не можем связать ничего из морального смысла мирового порядка. Это чисто люциферическая картина мира.

Так же, как египтянин, выглядывая в мир, должен был видеть в Аримане-Тифоне того, кто отнимает у него его Озириса, так и мы должны смотреть на эту ставшую люциферической картину мира, на математически-механическую картину мира нашей современной астрономии и наших прочих естественных наук, уясняя себе, что здесь точно так же царит люциферическое, как в египетской картине мира царило тифонически-ариманическое. Точно так же, как египтянин видел свою внешнюю картину мира в ариманически-тифоническом духе, современный человек видит с люциферическими тенденциями то, что он осознаёт вследствие своего ариманического бытия. Люцифер здесь и он действует. Именно так, как египтянин представлял себе в ветре и непогоде, в зимней буре действующим Аримана-Тифона, современный человек, если он понимает эти вещи, должен представлять себе, что в солнечном сиянии и блеске звѣзд, в движении планет и лун ему является Люцифер. Такой, какой мы имеем копернико-галилео-кеплеровскую картину мира, она является люциферическим изображением. Именно потому, что она соответствует нашим ариманическим познавательным силам, её содержание - я прошу вас точно различать это - является люциферическим.

В то время, когда свершилась Мистерия Голгофы, способность человека, познавая, смотреть на мир действовала двояким образом как божественная София, как мудрость, прозревающая мир. Небесная мудрость, божественная София, действовала через откровение бедных пастухов в поле и через откровение магов с Востока. Эта мудрость, существовавшая в своей последней форме у гностиков (15), у которых её восприняли первые христианские отцы и учителя церкви, чтобы из неё понять Мистерию Голгофы, не могла перенестись в новое время; её захватил и убил Люцифер, как когда-то Озирис был убит Ариманом-Тифоном. Нами утрачен не Озирис, или Христос, нами утрачено то, что мы получили вместо Изиды. Люцифер убил её в нас. И не так, как Тифон, который опустил Озириса в Нил и потом то, что было убито, погрузил в землю, но существо Изиды, убитое Люцифером, божественная Мудрость вынесена в мировое пространство, она погружена в мировой океан. И в то время как мы смотрим в этот океан и видим звѣздные соотношения только в математических линиях, в них похоронено то, что духовно пронизывает этот мир - убитая божественная София, убитая преемница Изиды.

Мы должны сформировать эту легенду, так как она представляет собой истину нашей эпохи. Мы должны в том же смысле говорить об убитой и утраченной нами Изиде или божественной Софии, как древний египтянин говорил об утерянном и убитом Озирисе. И мы должны выступить с тем, что мы не понимаем, но что в нас есть, - с силой Христа, с новой силой Озириса и искать мѣртвое тело современной Изиды, мѣртвое тело божественной Софии. Мы должны подойти к люциферической естественной науке и искать гроб Изиды, то есть, из того, что даёт нам естественная наука, мы должны найти то, что внутренне побуждает нас к имажинации, инспирации и к интуиции. Ибо благодаря этому мы получим в себе помощь Христа, который для нас остаётся всё же смутным, тѣмным, если мы не осветим его в себе с помощью божественной мудрости. Мы должны, вооружённые этой силой Христа, новым Озирисом, идти на поиски Изиды, новой Изиды. Люцифер не разделит на части эту Изиду, как Тифон-Ариман разделил Озириса. Нет, напротив - эта Изиды в своём истинном образе распространена в красоте целого космоса. Изиды эта есть то, что во множестве светящихся красок аурически сияет навстречу нам из космоса. Мы должны понимать её, выглядываясь в космос и видя космос аурически в его светящихся красках.

Но подобно тому, как когда-то пришёл Ариман-Тифон, чтобы разделить Озириса на части, приходит Люцифер, который гасит это разделение красок, который заставляет прекрасно распространённые части, члены новой Изиды, члены, образующие весь небесный свод, расплываться друг в друге, соединяет их и сгущает. Так же, как Тифон разделил Озириса на части, так и Люцифер собирает из того, что блещет нам из всеобщей многообразией аурических красок, один, единый белый свет, который лучится сквозь мир; этот люциферический единый свет, к которому обратился Гёте в своём учении о цвете (16), возражая против того, что в белом свете должны содержаться цвета - цвета

о^днако, распростёрты над таинственными деяниями всей вселенной, в её многообразии таинственных деяний.

Но мы должны отважиться на наши поиски и вновь отыскать Изиду! И мы должны получить возможность, снова найдя Изиду, вынести во вселенную то, что мы исследуем. Мы должны добытое нами ^чез вновь найденную Изиду суметь живо поставить перед собой, чтобы это стало для нас небесным мир^овым пространством, космосом. Мы должны изнутри постичь Сатурн, Солнце, Луну, Землю, Юпитер, Вен^у и Вулкан. Мы должны на небо перенести то, что Люцифер сделал из Изиды, как Изида предала Земле то, что из Озириса сделал Тифон-Ариман в виде ку^ков Озириса. Мы должны понять, что мы можем на^ити через силу Христа внутреннюю астрономию, кот^орая, формируясь и действуя силой духа, опять-таки явит нам вселенную. Тогда-то с этим пониманием в^оленной придет вновь обретенная сила Изиды, но т^еперь являясь уже силой божественной Софии, и через эту вновь обретенную силу Изиды Христос, соединенный со времени Мистерии Голгофы с земным б^огом, придет в человеке к истинной деятельности, п^ока - к истинному познанию. Не Христа не хватает нам, нам не хватает познания Христа, Изиды Христа, Софии Христа.

Это то, что мы должны запечатлеть в душе как с^одержание рождественской Мистерии. Мы должны, прийти к тому, чтобы сказать себе: в XIX столетии сама теология дошла до того, чтобы видеть в Христе только человека из Назарета. Это значит, что теология совершенно люциферизирована. Она уже не видит д^уховных подоснов бытия. Внешнее естествознание люциферизировано, теология люциферизирована. Мо^жно, конечно, говоря о внутреннем аспекте человека, с таким же успехом сказать, что он ариманизован, как вы это видели из моих разъяснений. Но тогда о егип^тянах следовало бы сказать, что они люциферизированы, и соответственно, ариманизованы, когда речь идет о внешнем. И Мистерию Рождества современный человек должен понимать по-новому. Ему надо п^онять, что прежде всего он должен искать Изиду, чтобы ему смог явиться Христос. Ведь не то привело к н^ещастью современное человечество в новое время, что мы якобы утратили Христа - он стоит перед нами в более высокой Славе, чем для египтян Озирис, - и что мы должны с силой Изиды отправиться на его поиски. Нет, то, что мы утратили, есть познание, есть созерц^ание Христа Иисуса. Мы снова должны обрести его с^илой Иисуса Христа, которая в нас есть.

Так мы должны смотреть на то, что является с^одержанием праздника Рождества. Ведь для многих с^овременных людей этот праздник Рождества ничто иное, как некий род праздника подарков, как нечто такое, что по-привычке празднуют из года в год. Кроме того, этот праздник Рождества стал тем, во что превратилось в нашей жизни очень многое: он стал фразой. И поскольку эти вещи стали фразой, совр^еменная жизнь пришла к своим бедствиям, к своему хаосу.

Если бы, опираясь на это наше Общество, мы смогли развить правильные ощущения для того, что в настоящее время превратилось во фразу, и если бы, исходя из этих правильных ощущений, мы смогли бы найти импульсы для обновлений, которые необход^имы, то это Общество, называющее себя антропосо^фским, было бы достойно своего существования. Внут^ри этого Общества должно быть понимание того, к^аким злом для современной эпохи является в действ^ительности то, что такие факты, как праздник Рождества, распространяются в виде фразы. Необх^одимо понимание того, что в будущем этого не должно быть, и что эти факты должны получить новое соде^ржание, что старые привычки надо оставить и на место старых привычек должны прийти новые воззрения. Если мы не имеем для этого внутреннего мужества, то мы соучаствуем во лжи, придерживаясь старой фразы о ежегодном празднике Рождества, отмечаемом без соответствующего чувства и ощущения в душе. Разве, делая ежегодно по старой привычке друг другу пода^рки на этот праздник Христа, мы как человечество к^огда-нибудь поднимемся к высочайшим вопросам этого нашего человечества? И вместе с тем переживаем ли мы или по крайней мере выслушиваем тоже ставшие фразой слова сегодняшних приверженцев отдельных религиозных объединений? Мы должны бы запретить себе оставаться при этой внутренней пустоте праздн^ика Рождества. Мы должны бы принять внутреннее решение дать содержание такому празднику, который должен поднять человечество к пониманию смысла своего существования, дать содержание, которое де^ятельно может провести через наши души выс^очайшие, ни с чем несравнимые ощущения.

Спросите себя об ощущениях, присутствующих сегодня в душах, в сердцах во время рождественской ёлки, спросите себя, живут ли в подарках, которые люди делают друг другу по старой привычке, в ро^жественских открытках, написанных привычными

фразами - живут ли там ощущения, поднимающие чело́вечество к пониманию смысла его земного бытия! Несчастье нашего времени заключается в том, что мы не в состоянии обрести мужество подняться над фразёрством нашего времени к новому содержанию. Но чтобы это произошло, чтобы пришло новое содержание, содержание, которое может снова пронизать нас ни с чем несравнимыми ощущениями, совершенно потрясающими нас так же, как в первом столетии иудейские христиане, ощутившие Мистерию Голгофы и явление Христа на Земле как высочайшее, были потрясены тем, что может быть человечеством пережито на Земле - мы должны об этом вспомнить и нечто подобное воссоздать в своих душах.

О, эта душа сможет прийти к неповторимым ощущениям, если она почувствует себя обязанной пережить в современном человечестве новую легенду об Изиде; эта легенда - об Изиде, Изиде, убитой Люцифером и удалённой в мировое пространство, которое стало математической абстракцией, то есть гробом Изиды, о поиске этой Изиды и о её нахождении путём побуждения внутренних духовно-познавательных сил, которые на место ставшего мёртвым неба поставят затем то, что из внутренней жизни снова позволит звёздам и планетам предстать перед нами как памятники духовным силам, струящимся сквозь пространство. Мы сегодня смотрим на ясли в правильном смысле только тогда, когда переживаем в неповторимом ощущении то, что странствует тут через пространство, и потом смотрим на то Существо, которое вошло в мир через младенца. Мы знаем, что мы несём это в себе, но нам надо навстречу ему принести понимание. Поэтому так же, как египтянин смотрел от своего Озириса на Изиду, нужно учиться смотреть на новую Изиду, на святую Софию. Христос снова явится в своём духовном облике в ходе XX столетия не потому, что нечто само вступит извне, а благодаря тому, что люди найдут ту силу, которая проявляется через святую Софию. В ходе нового времени существует тенденция утратить именно эту силу Изиды, именно эту силу Марии. Она убита всем тем, что скопилось в современном сознании человечества. И новые вероучения отчасти искоренили как раз воззрение на Марию.

В известной мере в том и состоит мистерия современного человечества, что убивают, собственно гоня, Марию-Изиду, и что подобно тому, как по ту сторону в Азии искали Озириса, нам надо искать Марию-Изиду в далях небесного пространства с той силой, которую может высвободить в нас Христос, если мы в правильном смысле отдаём себя ему.

Представим себе это правильно, углубимся в эту новую легенду об Изиде, которую обязательно надо пережить, пропитаем этим свои души и в правильном смысле переживём то, о чём человечество в лице многих своих представителей полагает, что эта святая Ночь заполняется чтобы войти в Рождество! Однако, могло бы быть так, что это антропософское Общество было бы обществом людей, объединённых любовью, так как они сознают, что им надлежит совместный поиск. Обратим же внимание на эту нашу интимнейшую, глубочайшую задачу! Перенесёмся же духом к яслям, принесём рождественскому младенцу эту жертву и дары, таящиеся тут в познании, которое должно пройти через наши души ни с чем несравнимым, чтобы современное человечество пришло к осуществлению своих задач, решение которых приведёт из состояния варварства к новой истинной цивилизации!

Правда, для этого необходимо, чтобы в наших кругах действительно с любовью помогали друг другу, чтобы поистине возникла община душ, чтобы иезди из наших рядов мелочная ревность и тому подобное, чтобы мы смотрели не только друг на друга, но все вместе - в направлении общей великой цели. В тайне, принесённой в мир рождественским младенцем, одновременно заключено то, что в направлении общей цели люди могут смотреть, не приходя между собой к дисгармонии, ибо общая цель означает соединение в гармонии. И свет Рождества, по сути дела, должен светить как свет мира, как свет, который сможет принести внешний мир только благодаря тому, что он осветит сначала внутренним миром сердца людей. Мы должны суметь сказать себе: когда мы придём к этому, то есть будем действовать вместе в любви ради великих задач, только тогда мы поймём Рождество! Если мы к этому не придём, - мы не понимаем Рождество.

Если мы сами создали дисгармонию, разве мы можем подумать, что такая дисгармония отторгнет нас от понимания Того, Кто явился среди людей во вселенское Рождество? Разве мы можем не дать этой рождественской Мистерии по каплям втекать в наши души в качестве того, что сводит наши души в любви и единении? Если мы не поймём правильно, что такое духовная наука, то мы не сможем этого достичь. Да, если мы то, что насобирали со всех углов мира, где сегодня царят только фразы и заведённый порядок, несём сюда в это Общество, то из этого Общества ничего не возникнет.

Помните о том, что, вероятно, этому Обществу предстоит тяжёлый год, что необходимо собрать все силы и с этим пониманием праздновать Рождество. О, я бы хотел иметь слова, которые в этот сегодняшний вечер говорят глубоко в сердце каждому! Тогда каждый из вас ощутил бы, что в этих словах, которые я произношу сегодня, заключено привержие, являющееся призывом по-настоящему согреть в душе духовную науку, чтобы она стала такой силой, которая могла бы помочь подняться человечеству, живущему под страшным гнетом.

Исходя из таких точек зрения изложены мысли, которые я хотел вам высказать. Будьте уверены, что для каждого в отдельности они предназначены как рождественский привет, как нечто такое, что в лучшем смысле должно перевести его в Новый год. Примите то, что я хотел сегодня вам сказать как исполненное любви рождественское приветствие.

Третий доклад

Дорнах, 25 декабря 1920г.

Мы можем рассмотреть два направления, когда речь идёт о том, чтобы понять Событие Голгофы в смысле Рождественской Мистерии: с одной стороны, звёздное небо со всеми его тайнами и, с другой стороны, внутреннее человека со всеми его тайнами. Более того, в течение этих дней я указал на то, как по звёздному небу так называемые маги с Востока узнали о пришествии Христа Иисуса на Землю, как из созерцания, развившегося из человеческого внутреннего, бестелесные пастухи в поле ощутили возвешение этого Спасителя человечества. На оба эти направления, от которых, по сути, к человеку приходит всякое познание, от которых к нему должно было прийти и высшее познание об истинном смысле Земли, мы ещё раз направим сегодня наше внимание.

Оглядываясь на времена, предшествовавшие Мистерии Голгофы, мы находим там положение души человека по отношению к универсуму и к себе самой совсем иным, чем после Мистерии Голгофы. Конечно, во внешней истории это не нашло вполне определённого отражения по той причине, что в значительной мере древнее познание принадлежит эпохам, которым в послеатлантическое время до Мистерии Голгофы предшествовали тысячелетия. Когда приблизилась Мистерия Голгофы, этот род познаний уже ослаб. И мы можем сказать, что только отдельные, особо избранные, люди, как три мага с Востока, могли иметь такое далеко идущее познание, которое обнаружилось у них; и, с другой стороны, только особо предпочитаемые, душевно восприимчивые пастухи, стало быть, люди из народа, могли из сна развить созерцание, которое развили эти пастухи. Но это было только наследие древней познавательной связи человека со вселенной, как, с одной стороны, у магов, так, с другой стороны, у пастухов.

И всё же мы не можем сказать, в частности и для нашей эпохи, чтобы человечество особенно отчётливо проявило уже тот род познания, который едва вступил в развитие человечества со времени Мистерии Голгофы, но то, что мы сегодня вечером проведём перед душой, в общем уже имеет силу. Дохристианский род отношения к звёздному небу был таков, что едва ли люди видели звёзды только так прозаически, абстрактно, как мы видим их теперь. То, что люди этих древних эпох говорили о звёздах, как о живых существах, едва ли пришло, как полагает весьма несомненная наука, из одной только фантазии, а пришло это из духовного, хотя и инстинктивного, атактичного созерцания звёздного неба. Именно в древние эпохи на звёздном небе видели не просто световые точки или световые поверхности, но видели там нечто духовное, которое можно было охарактеризовать в том смысле, в каком эти древние люди характеризовали образы звёзд, ибо они ощущали отдельные планеты нашей планетной системы одушевлёнными живыми существами. В этом далёком звёздном небе видели только духовное. И как эти древние люди видели звёздное небо в его духовном элементе, также они видели всё относящееся к растительному и минеральному мирам. Итак, звёздное небо, минеральный и растительный миры - эти три области бытия древние люди видели с помощью одной способности познания. Они говорили о звёздах как об одушевлённых существах, а также о минералах и растениях они говорили как об одушевлённых существах.

Мы как раз не должны себе представлять, что способность познания у людей этих древних эпох была такая же, как наша. Некоторое время тому назад я показал ступень познания, вовсе не так сильно отличающуюся от нашей, но которую, по сути дела, мы современным людям современности уже трудно себе представить. Я говорил, что греки в своей самой ранней культуре вообще не видели синий цвет, что они, следовательно, не

имели над собой синего неба. Это было нечто такое, чего греки не имели. Они ощущали цвета больше в активном красно-желтом направлении. Они и не применяли для рисования то, что сегодня для нас является синими оттенками. Этот синий цвет выступил для человеческого восприятия лишь позже.

Представьте-ка себе, что все синие оттенки и везнут из мира, значит и всё зелёное будет выглядеть иначе, чем оно выглядит для нас сегодня. Тогда вы будете вынуждены сказать себе: "Для грека мир вокруг него выглядел ещё иначе, чем для современного человечества". Для людей более древних времён оказывающий мир выглядел отличающимся от нашего мира в ещё более значительной степени. Из мира, обитаемого древними, постепенно отступало духовное. Духовное удалялось из звёздных миров, из минеральных и растительных миров, и в то время как духовное удалялось, живые, активные цвета становились более тусклыми. Зато из подосновы выделялось то, что ощущалось как синее. И по мере того, как в человечестве всё больше и больше восходила способность для восприятия синего, для восприятия тёмных цветов, всё больше превращалось в серую, бесцветную геометрию, механику то, что древние греки ощущали в своей живой, соответственно, я бы сказал, активной многокрасочной астрологии. Сегодня, извлекая эту геометрию и механику из своего внутреннего, мы больше с их помощью уже не видим в своём окружении тайны звёздных миров. Древняя астрология превратилась в тот мир, который мы сегодня представляем себе в коперниканско-галилео-кеплеровском духе, в мир небесной механики, в мир математики. Такова одна сторона.

Другая сторона заключается в том, что в те древние времена существовала интенсивная внутренняя способность человека воспринимать то, что из Земли омывало человека - в определённой степени как флюид из Земли. Итак, я бы сказал, флюиды Земли, свойства Земли возводят о себе как противоположность звёздного неба через внутреннюю возможность восприятия, через определённую внутреннюю способность. В древние эпохи человек обладал тонкой восприимчивостью ко всему тому, что составляло особенности климата его страны, что являлось особенностями почвы. Жил ли человек на известковой почве, жил ли он на гранитной почве - это означало для него иметь другое восходящее течение того, что было в Земле. Но ощущаемое им в виде такого восходящего течения не представлялось ему чем-то смутным, вроде притуплённого, приглушённого переживания, но оно восходило в нём как цвета, облака, которые он ощущал всем своим нутром. И точно так же, как он ощущал глубь Земли, он ощущал и человеческие души у своих ближних, и животную жизнь. Это ощущение было оживлённым и интенсивным. Так же, как оно было родом внешней познавательной способности, благодаря которой человек всматривался в звёздное небо, благодаря которой атавистическим, инстинктивным ясновидением он обозревал минералы и растения в их духовности, так внутренним инстинктивным зерцанием он воспринимал то, что духовно жило в глубинах Земли. Уж не просто говорил он об известковой почве, но определённые элементарные существа восходили к нему - одного рода из известковой почвы и другого рода из гранитной или гнейсовой почвы.

Он ощущал также то, что жило в других людях в виде аурического, но в определённой степени надетого на них Землёй, и особенно он ощущал животных в их ауре в качестве земных существ. Для него то, что жило в Земле как грунт и почва, как внутреннее земное тепло, некоторым образом продолжалось в целом животном мире. Когда древний человек смотрел на бабочку, порхающую над растениями, он видел, как она тащит за собой то, что выделяется из Земли. Подобным аурическому облаку воспринимал он то, что как животное пробегало по Земле. Постепенно всё это отступило, и для человеческого восприятия, которое переместилось вовне, остался прозаический мир, так что человек начал теперь видеть окружающий его мир так же, как сегодня мы видим красочный окружающий мир без восприятия духовного. А то, что человек видел благодаря внутреннему восприятию, превратилось в наше современное естествознание; то же, что он духовно видел благодаря внешнему восприятию, превратилось в нашу современную математику и механику.

Так с одной стороны, из того, что привело к внутреннему созерцанию бедных пастухов в поле, мы развили современное созерцание природы, а из того, что привело магов с Востока к восприятию звезды, вестившей о Христе, мы развили нашу сухую математику и механику. Как раз в это время у отдельных людей было ещё так много сохранено для внешнего и для внутреннего восприятия, что мистерия Рождения Иисуса могла возвещаться таким способом в обоих направлениях.

Но что же, собственно, лежало в основе этого восприятия? Так вот, в то время,

которое мы проживаем между смертью и новым рождением, то есть которое мы проходим до вступления в земное бытие через рождение, в это время мы в действительности переживаем мировое пространство. Там к пространству, охватываемому нашей кожей, наша индивидуальность была привязана не так, как здесь, - то бытие было распространено по мировому пространству. И та древняя способность магического созерцания, стало быть ещё проявлявшаяся у мудрецов с Востока, у магов с Востока, в действительности была способностью, которая особенно сильно проникала в человека из времени между смертью и рождением, то есть была некой способностью из бытия до рождения. Пережитое душой до рождения внутри звёздного мира пробуждалось в особую способность у того, кто стал учеником мага. Развивая эту особую способность, ученики магов могли в определённой мере сказать: Прежде чем сойти сюда, в этот земной мир, ведь я пережил нечто совершенно определённое с Меркурием, с Солнцем, с Луной, с Сатурном и с Юпитером. И то, что это космическое воспоминание определённым образом всплывало, приводило к тому, что они во всём внешнем мире тоже видели духовное, что судьбу человека на Земле они видели из того, что было видно внутри звёздного мира благодаря воспоминанию о доземном бытии.

Однако, те способности, с помощью которых воспринимали земные глубины, тайны человеческих душ и сущность животного, были молодыми, зародышевыми способностями, которые развивались в человеке только в зачатке и которые выступают только после смерти, то есть это посмертные способности, которые могут стать творческими только после смерти. Хотя эти способности и являются для человека особенно создающими только после смерти, всё же в земной жизни они в качестве сильных зародышевых способностей совсем особенно проявляются у ребёнка в первый период земной жизни. Силы роста, которыми особенно обладает подрастающий ребёнок, силы, которые ведь пробиваются и восходят из духовного, они потом в более поздние годы у человека отступают, уходят. И это именно те силы, которые были до рождения, уже тогда наполняя нас. Но зато после смерти эти детские способности выступают снова. Только у особо одарённых людей они сохраняются до более позднего возраста. Ибо - я здесь однажды уже упоминал об этом - тем количеством гениальных способностей, какое мы имеем в поздние годы, мы обязаны тому обстоятельству, что мы остались детьми более, чем те, кто этих способностей имеет меньше или не имеет их вовсе. Сохранение детских способностей в более позднем возрасте наделяет нас особыми творческими возможностями и тому подобным. Чем больше мы можем сохранять детские способности, несмотря на то, что становимся зрелыми, тем более создающими, творческими людьми мы являемся. Кроме того, эти творческие силы затем особо выступают снова после смерти.

В частности, отдельным народам дохристианского периода была дана возможность оплодотворять посмертные способности теми способностями, которые остались из рождённого времени. Вследствие того, что эти народы в меньшей степени развили проявившиеся как раз у магов Востока познания (именно тем, что они больше отодвинули эти познания и позволили больше выдвинуться посмертным способностям, и те и другие так проникли друг в друга, что рождённые способности оплодотворили и оживили посмертные способности) у иных людей образовался потом дар пророчества, дар из посмертных способностей пророчески предсказывать будущее. Те, кого мы называем иудейскими пророками, - это люди, у которых особенно развились посмертные способности, но они оставались не только инстинктивными, как у бедных пастухов при провозвестии в поле, но они были пронизаны теми другими способностями, которые у таких людей, как маги с Востока, были развиты более сильно и которые, конечно, привели их к совсем особым познаниям, относящимся к тайнам звёздного неба и его процессов.

И теперь вам станет понятным, как должны были совпасть провозвестие пастухов в поле и познание магов с Востока. Ведь познание магов с Востока в своей сфере было таким, что в особенности они могли созерцать глубокие тайны звёздного неба. Тут из тех миров, в которых человек находится между смертью и новым рождением и из которых родились в них способности, позволившие им проникнуть к звёздному небу, они смогли прийти к тому, что у них с ростом этого познания возникло воззрение: тут, из этих миров, пока не принадлежащих нашей жизни между рождением и смертью, но принадлежащих нашей жизни между смертью и новым рождением, идёт к Земле Существо, Христос. Из звёздного познания узнали маги о приближении Христа.

А что же обнаружили пастухи в поле, развившие особые способности ощущать глубины Земли? Теперь, когда приблизился Христос, Земля как раз несколько изменилась. Земля почувствовала это приближение Христа. Земля несла в себе новые силы, которые

пришли именно благодаря тому, что приблизился Христос. То, что отражала Земля, способ, каким реагировала Земля на приближение Христа - это ощутили пастухи в поле своим благочестивым чувством как исходящее из Земли. Так магам с Востока пространственные дали возвестили то же самое, что пастухам возвестили земные глубины.

Это было время, когда ещё существовали слабые остатки тех древних познаний. Поэтому мы должны посмотреть на таких действительно исключительных для того времени людей, какими были три мага с Восточной страны, а также - эти особенные пастухи в поле. И те, и другие в своём роде сохранили то, что для всего человечества уже более или менее исчезло. Поэтому, приблизившись, Мистерия Голгофы могла заявить им о себе тем способом, каким она им и заявила.

Эти вещи надо непременно рассматривать так, чтобы при обычном историческом способе представления учитывать то, что в познании может даваться" человеку духовнонаучно. В определённой мере надо пытаться обойти дали пространства и душевные глубины. И обойдя правильным образом с определённой точки зрения пространственные дали, затем учатся способу, каким маги с Востока пережили приближение Мистерии Голгофы. Пытаясь исследовать душевные глубины, надо прийти к пониманию того, как о себе возвестило пастухам нечто, так приблизившееся к Земле, что уже сама Земля восприняла в себя силы этого приближающегося. Проявившееся у магов в до-рождённых способностях больше соответствует интеллектуальному, познанию. Конечно, тогда интеллектуальное было ещё иным, чем сегодня. Зато у пастухов действовало то, что больше соответствовало желанию, и одновременно оно является тем желанием, которое в универсуме представляет собой силы роста. Так что, я бы сказал, пастухи связаны своим желанием с тем, что тогда как Существо Христа приближалось к Земле. Кроме того, ощущаешь, как рассказы о магах с Востока - хоть они в сегодняшней библии весьма несовершенны - передают род познания, в котором маги приблизились к Мистерии Голгофы: для них это существует во внешнем сознании. И мы ощущаем в рассказе, в этом проникновенном рассказе, как в Евангелии представлено провозвестие пастухам: тут указывается на волю людей, на душу, на внутренне эмоциональное. «Откровение Бога на Небесах и на Земле мир людям, имеющим добрую волю». В провозвестии пастухам ощущается струение воли. И ощущая полное света познание магов, вы чувствуете совсем другой характер познания.

Так, когда мы пытаемся совсем глубоко заглянуть в человеческое познание и в человеческое желание, в рождённое и посмертное, мы приближаемся к наступающему глубокому значению того, что рассказывается в Новом Завете о познании магов и о провозвестии пастухам.

Для нас, говорил я, то, что для древних было живым духовным миром в виде мира звёзд, минерального мира и растительного мира, стало математикой и механикой. То, что прежде было внутренним познанием, вытянуто на поверхность. Если мы вообразим себе человека и его внутреннее познание как оно выступило у пастухов представим себе как внутренний мир, а то, что выступило у магов, представим как внешний, то это внешнее познание у магов является тем, что простирается в дали пространства, чтобы воспринять дух; а то, что живёт как внутренний мир, ведёт к зерканию, воспринимающему глубины Земли, но тоже духовно.

Рисунок

И то, что тут является внутренним познанием, вступившим у пастухов (см. рисунок 3, красное), это в дальнейшем развитии человечества всё больше и больше разрастается наружу и становится сегодня нашим внешним восприятием. Это становится тем, что сегодня называют эмпирическим восприятием. Зато у магов то, что содействовало познанию живого звёздного мира, отступило во внутреннее, я бы сказал, больше в головной мозг, и стало нашим математическим, нашим механическим миром (зелёное). Итак, произошло некое пересечение. То, что прежде, в доисторическое время, было внутренним познанием, разной, наивной, инстинктивной имажинацией, становится нашим внешним познанием, становится чувственным восприятием; то, что было внешним познанием, которым человек охватывал мир звёзд, втягивается во внутреннее и становится сухим геометро-математически-механическим миром, который отныне мы получаем изнутри.

Ведь современный человек не воспринимает через внутреннее просветление ничего

другого, кроме математически-механического. И только избранные духи, как может быть *Новалис*, возносятся к тому, чтобы в чём-либо ощутить поэтическое, исполненное глубокой фантазии и даже поэтически изобразить, каково, например, математически-механическое нутро, которое *Новалис так прекрасно* - прямо-таки гармонично - воспел (18). То, что воспевает *Новалис*, сегодня для обычного человека - это сухой мир треугольников, четырёхугольников, сухой мир квадратов, сумм и разностей; для обычного человека - это тот мир, где мы можем быть выражены, как в параллелограмме обнаруживается результирующая двух сил. Обычный человек достаточно прозаичен, он воспринимает этот мир скучным и сухим; он ему не нравится. Избранный *Новалис* его воспевает, потому что в *Новалисе* ещё живёт кое-какой отголосок того, чем был этот мир, когда он ещё не отошёл во внутреннее. Тогда он был тем миром, из которого воспринимался дух Юпитера, дух Сатурна, исходя из которого воспринимался дух Овна, Тельца, Близнецов. Это был древний, наполненный светом мир звёзд, который только отступил и пока на первой стадии своего отступления является внешне сухим, механически-математическим миром.

И то, что у пастухов в поле усилилось иным образом - до восприятия голоса ангела в высях, в нас это превратилось в восприятие (сухое, скучное, ослабленное) внешнего чувственного мира. Этим мы воспринимаем сегодня и минеральное, и растительное, и звёзды, в то время как другим, едва выраженным, мы воспринимаем глубины Земли или мир человека и мир животного. Однако сегодня в математически-механическом, форономическом мире ослаблено то, что когда-то было астрологией; для древнего познания это имело в себе такую силу, что через это познание магам открылся Христос как небесное Существо. А оказывая глубокое влияние на Землю, вся сила, с которой Христос должен был действовать на Земле, возвестила не сегодняшнему нашему обычному чувственному познанию, посредством которого мы не видим ничего, кроме зелёной поверхности травы и коричневого меха животного, - эта сила возвестила тому познанию, каким оно было ещё во внутреннем, пока ещё не выступило в одни только глаза, только в кожу, возвестила пастухам в поле о том, кем должен стать Христос для Земли.

Мы снова должны найти дорогу назад, мы должны снова суметь найти возможность внутреннее, являющееся сегодня только сухой математикой, образно усилить до имажинации. Мы должны учиться постигать имажинацию, которую нам даёт наука посвящения. Что же содержится в этих имажинациях? Они ведь являются продолжением того, благодаря чему маги с Востока узнали о приближении Христа. Эти имажинации суть отпрыски, потомки того, что древние видели в образах звёзд, в имажинациях звёзд, в минеральных имажинациях, в золоте, в серебре, в меди. Таким образом древние видели в соответствующих имажинациях, и потомками всего этого сегодня являются математические способности. Математические способности становятся сегодня теми способностями, с помощью которых понимают имажинации. И таким образом из совершенствования внутреннего надо искать понимание Существа Христа.

Но внешнее восприятие тоже следует углублять. Внешнее восприятие само является потомком того, что когда-то было внутренним восприятием, инстинктивной природой. Сила, которая у пастухов была ещё провозвестием во внутреннем, в сердцах, теперь находится лишь в глазах и ушах. Она полностью переместилась на внешнюю сторону человека и оттуда воспринимает только внешнее, ковёр чувств. Но она должна идти ещё дальше наружу. Однако для этого человек должен покинуть своё тело и стать способным к инспирации. Тогда эта инспирация, то есть восприятие, которое сегодня должно пробиваться наружу, сможет дать, исходя из науки посвящения, то же, что было дано путём возвещения наивному внутреннему познанию пастухов в поле.

Когда в современном человеке взаимодействует то, что приходит из науки посвящения через имажинацию и инспирацию, так же, как когда-то действовали астрология у магов и человеческое душевное созерцание у пастухов в поле, - тогда человек благодаря познанию имажинации и инспирации снова поднимается к духовному постижению живого Христа. Необходимо понять как Изида, живая божественная София мифа пропасть для того развития, которое загнало астрологию в математику, геометрию и механику. И действительно поймут, что когда из этого кладбища: из математики, форономии и геометрии, - пробуждается живая имажинация, это пробуждение означает нахождение Изиды, нахождение новой Изиды, божественной Софии, которую человек найдёт, когда сила Христа, находящаяся в нём со времени Мистерии Голгофы, станет живой, исполненной жизни, то есть наполненной светом.

Мы стоим как раз перед этим поворотом времён. Внешняя Земля не даст человеку

тех благ, к которым он привык стремиться в новое время. Большие конфликты, вызвавшие ужасные катастрофы последних лет, уже превратили в руины культуры большую часть Земли. Последуют дальнейшие конфликты. Люди просят себе следующую большую мировую войну. Культура будет разрушаться и далее. Из того, что оказалось именно для нового человечества самым ценным для познания и стремления, ничего не может быть приобретено непосредственно. Внешнее земное бытие, поскольку оно является результатом прежних эпох, прейдёт, и совершенно тщетны надежды тех, кто верит, что можно продолжать старые навыки мышления и воли. Во всех сферах должно восходить новое познание и новое стремление. Мы должны ознакомиться с мыслью о прехождении культуры, цивилизации; однако, мы должны заглянуть в человеческое сердце, в дух, который живёт в человеке. Мы должны питать доверие к этому человеческому сердцу и к этому человеческому духу, которые живут в нас, что благодаря всему тому, что мы можем совершить внутри разрушения старой цивилизации, возникло новое образование, действительно новое образование.

Это новое образование не возникнет, если мы не решимся действительно обратить серьёзное внимание на то, что с неизбежностью должно происходить для человечества. Перечитайте об этом в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» (19). Там я описал, как человек, желающий достичь высших познаний, вначале должен развить в себе понимание того, что называют встречей со Стражем Порога. Там указано на то, что означает эта встреча со Стражем Порога: желания, эмоции и мысли определённым образом разделяются, и из хаотического человеческого единства должна возникнуть триада. Это то понимание, которое должно открыться ученику духовной науки, когда для него проясняется, кто такой Страж Порога; это понимание должно открыться всему новому человечеству в отношении хода цивилизации. Даже если не внешним сознанием, то внутренним переживанием человечество проходит через область, которую можно представлять тоже областью Стража Порога.

Новое человечество переходит порог, на котором стоит знаменательный Страж, строгий Страж. И этот строгий Страж прежде всего говорит: "Не оставайтесь привязанными к тому, что перенесено из древних времён. Смотрите в свои сердца, смотрите в свои души, чтобы вы могли создавать новые образы! Эти новые творения вы сможете создать только тогда, когда будете иметь веру, что для этого нового духовного творения могут прийти из духовного мира силы познания и силы воли". То, что для отдельного человека при встрече с мирами высшего познания должно быть особенно сильным событием, для всего человечества в настоящее время происходит в определённой мере бессознательно. И те, кто объединились как антропософское общество, должны были осознавать, что самым необходимым в современное время является привести людей к пониманию этого перехода через область порога.

И как человек в качестве познающего должен понимать, что его мышление, чувства и желания некоторым образом разъединяются, и он должен это в определённом смысле удерживать вместе, так и новому человечеству необходимо понять, что друг от друга должны отделиться духовная жизнь, правовая или государственная жизнь и хозяйственная жизнь, и должна быть создана более высокая связь единения, чем это было в прежнем государстве. Это не какие-нибудь программы, идеи, не какие-либо идеологии, которые в действительности могут привести к признанию этой необходимости трёхчленности социального организма. Только глубокое знание дальнейшего развития человечества покажет нам, что это развитие достигает пороговой области, что там стоит строгий Страж. И как он требует от отдельного человека, продвигающегося к высшему познанию: "Претерпи разделение на представление, чувство и желание", - так же он требует и от всего человечества: "Отделите друг от друга то, что до сих пор переплетено в хаотическом единстве в идоле государства, разделите это на духовное образование, на государственно-правовое образование и на хозяйственное образование". Иначе человечество не продвинется вперёд, иначе старый хаос расколется, распадётся. Но если он распадётся, он примет не тот облик, который необходим человечеству, а ариманический или люциферический облик, в то время как этому хаосу может быть дана подобно с Христом форма, следующая только из познания духовной науки о прохождении порога в настоящее время.

Это нечто такое, что уже теперь, во время Рождества, мы должны сказать себе, если мы правильно понимаем антропософию. Младенец, лежащий в яслях, должен быть для нас младенцем духовного, развития в человеческое будущее. Как пастухи в поле отправились в свой путь после провозвестия, как маги Востока отправились в свой путь после провозвестия, чтобы увидеть, как появилось в виде младенца то, что должно

способствовать развитию человеческого мира, так новый человеческий мир должен идти к науке посвящения, чтобы из науки посвящения воспринять, я бы сказал, в облике младенца то, чем должен стать для будущего трёхчленный социальный организм, движимый духовной наукой. Старая государственная форма разрушится, если человек не приведёт её к трёхчленности. Она разрушится так, что сама из себя разовьёт, с одной стороны, духовную область - но тогда она будет тем более хаотичной, полностью приняв ариманически-люциферические черты; и с другой стороны, хозяйственную область, в свою очередь с люциферически-ариманическими чертами - и как одна, так и другая будут тянуть к себе клочки государственного образования. На Востоке разовьются более ариманически-люциферические духовные государства, на Западе - более ариманически-люциферические хозяйственные государства, если человек путём пронизания своего существа Христом не поймёт, как этого избежать, как из своего познания, по своей воле осуществить трёхчленность там, где всё устремляется друг от друга.

Тогда человеческое познание будет пронизано Христом, человеческое желание будет пронизано Христом, и это во всей полноте проявится не иначе, как только при рассредоточении старого идола единого государства на его три соответствующих члена. Тот, кто в таком случае будет правильно стоять внутри духовной жизни, познает, подобно пастухам в поле, что испытывает Земля благодаря Существо Христу. А тот, кто правильно стоит внутри хозяйственной жизни, в хозяйственных ассоциациях, тот в правильном смысле разовьёт волю, которая приведёт к социальному организму, пронизанному Христом.

Четвёртый доклад

Дорнах, 26 декабря 1920г.

Давайте вспомним некоторые факты, которые в эти дни были предметом наших рассуждений. Я упоминал на значительный факт, заключающийся в том, что в рассказе о Мистерии Голгофы появляются, с одной стороны, пастухи с их возвещением, то есть люди простой души, и с другой стороны, маги с Востока, то есть по пониманию людей того времени те, кто достигли высочайшей мудрости, которая могла быть достигнута. Магам Мистерия возвестила себя из звёзд и тайн, которые человечество подслушало у них. То же самое возвестило о себе неучёным простым пастухам из определённого рода ясновидения, которое в то время ещё могло возникнуть из благочестивых сердец. Притом мы указали - так я излагал - на последние фазы древних созерцаний человечества, которые в гораздо более ранние времена в известной мере были нормальными созерцаниями, и в то время, когда наступила Мистерия Голгофы, они ещё выступали в виде последних остатков у избранных людей одного рода - учёных, или же у избранных людей другого рода - неучёных. Так что можно сказать примерно следующее: Событие Голгофы наступило на Земле в то время, когда у отдельных людей ещё существовали последние остатки древнего созерцания человечества, которых было как раз ещё достаточно, чтобы осознать сверхчувственное События Голгофы.

А теперь ещё раз охарактеризуем, какими являются эти способы познания у людей. С одной стороны, мы имеем пастухов. То, что происходит в человеческом мире, они переживали посредством внутреннего наивного, инстинктивного видения. Такое внутреннее видение - я уже обращал на это ваше внимание - происходит из того, что силы земной планеты действуют внутри человека. Эти силы земной планеты действуют ведь не только в низших царствах, но они действуют и в человеке. Новое человечество, в особенности современное человечество, во внутреннем уже не переживает непосредственно от тех земных сил, которые определённым образом поднимаются из земной планеты и затем выступают в видении во внутреннем человеке. Но чем дальше мы идём назад в развитии человека, тем больше находим такие, возникающие во внутреннем человеке видения, которые всей своей конфигурацией и своим особым способом различаются в зависимости от разного климата, от различных территорий Земли и так далее. То, что можно при этом открыть внешне, разумеется, часто является обманчивым, ибо люди древних времён, кроме того, были не вполне оседлыми. Получаемое ими через силы земной планеты во внутренние способности они развивали на какой-либо территории Земли, затем вследствие перемещения народов и племён несли это на другую территорию и потом распространяли дальше через наследование. Так что не всегда мы можем сказать, что всё вышесказанное тут как внутреннее видение непосредственно связано с территорией, на которой оно появилось именно благодаря людям.

Как животный мир определённой части Земли имеет определённую конфигурацию -

у животных это больше выражается во внешнем развитии, во внешнем формировании, в образе жизни, - так люди, ещё ближе к силам природы, в отношении своей внутренней конфигурации были связаны с внутренними силами Земли. Конечно, эти внутренние силы Земли в свою очередь не являются полностью независимыми от сил универсума. Человек во время своей жизни между рождением и смертью отдан этим силам Земли. Он отдан им относительно некоторых членов своего человеческого существа, относительно физического тела и относительно эфирного тела. Это не относится к астральному телу и к «Я», но в отношении физического и эфирного тел человек абсолютно отдан силам Земли. Человек своим физическим телом и своим эфирным телом отдан тому, что тут внизу в земном царстве, я бы сказал, действительно. И так как в древние времена человечество гораздо больше было зависимо от физического и эфирного тел, чем сегодня, то и в сознании человека больше проявлялось являющееся деятельным в человеке влияние Земли, и оно содействовало в человеке главным образом определённому инстинктивному деятельному бытию души в отношении познания самого человеческого мира, в отношении познания земной планеты, а также и животного мира.

В древние времена люди знакомились с животным миром, получая от каждого вида животного определённый образ, определённую имажинацию. От этих, полученных древними, имажинаций о видах животных мы сохранили только абстрактные понятия видов. Мы говорим о виде или роде волков, тигров и кошек и так далее. Это последние абстрактные остатки того, что в древние времена существовало как живые образы, что существовало в созерцании, в инстинктивном созерцании. Точно так же в древние времена человек в отношении другого человека имел не то абстрактное чувство, которое сегодня мы имеем по отношению к нашим ближним, мимо которых мы ведь проходим, едва ли реально узнав их; но благодаря тому, что опосредованным образом жило в силах во внутреннем человека, он, встречаясь с другим человеком, получал, разумеется через общую карму, через общую судьбу, определённый, но всё же именно один определённый образ - созерцание своего ближнего, которое появлялось очень конкретно как наивная имажинация.

Таким же образом в этом древнем человечестве часто жило нечто такое, что имело отношение ко всей земной планете или - по крайней мере у многих народов - к территориям, на которых они жили. Это было внутреннее созерцание в отношении земной планеты, даже в отношении процессов в человеческом мире, которые изживаются в социальной жизни, а также в отношении процессов животного мира. Из этого внутреннего созерцания потом развилось наше обычное чувственное созерцание. Можно сказать, что то, что внутренне наполняло всего человека для образования созерцаний, внутреннего процесса восприятия, в наше время полностью пробилось к поверхности органов чувств человека, и возникло наше созерцание, к которому мы сегодня поклоняемся в особенности в естественном научном созерцании, где мы только и ценим всё то, что рассудок комбинирует из созерцаний органов чувств. Это чувственное созерцание, это созерцание, которым сегодня мы прослеживаем ковёр чувств, есть потомок того, что выступает нам навстречу, когда мы изучаем древние эпохи развития человечества в реальности, а не с иллюзиями современной психологии и антропологии. То, что в древние времена выступало нам навстречу как внутреннее видение, сегодня стало прежде всего нашим внешним созерцанием.

Другое, охарактеризованное нам через знание магов с Востока, стало абстрактным. Это то, что пошло теперь противоположным путём. В то время как внутреннее видение пробилось на поверхность и стало чувственным созерцанием, внешнее созерцание, проявившееся в имажинативном, инстинктивно-имажинативном знании звёздного мира и его тайн, что выразилось в древнего рода астрономии, которая, конечно, тоже вычисляла при помощи чисел и геометризировала с помощью фигур, если воспользоваться этим выражением Платона (20) - это внешнее созерцание, которое видело в определённой степени живую математику, осуществлённую во вселенной, в которой каждая звезда была одновременно духовным существом, приняло противоположное направление (см. рисунок 4).

Другое созерцание выходит на поверхность органов чувств и становится тем, что мы сегодня называем нашим внешним созерцанием, нашим эмпиризмом. Но то, что было внешним созерцанием, уходит во внутреннее человека и становится абстрактной математикой, абстрактной механикой или форонимией - всем тем, что восходит из нашего внутреннего как математически-механическое знание.

Рисунок

Так в том, что сегодня подходит к человеку на одной стороне как чувственное созерцание, а на другой стороне как математически-механическое построение мира, мы имеем, разумеется, наследие, абстрактное наследие древних инстинктивных созерцаний человечества. Эти последние остатки древних созерцаний по существу исчезли главным образом со времени вступления Мистерии Голгофы, хотя это так недоступно внешней антропологии. У большинства населения Земли они исчезли гораздо раньше, ибо если мы действительно хотим узнать об этих прадревних способах созерцания человечества, нам необходимо вернуться в очень, очень ранние тысячелетия, в тысячелетия, предшествующие исходу с плоскогорья Туран того, что потом стало египто-халдейской, греческой культурой (21) и так далее. Но последние остатки нам ещё выступают в христианской традиции через созерцание пастухов, узнавших благодаря инстинктивному имагинативному ясновидению о важном событии человечества, и через созерцание магов с Востока, увидевших то же самое из звёздной мудрости.

Эти древние способы созерцания ведь стали известны нам в своих последних остатках как отчётливые знаки внутри развития человечества. Тогда, со времени Мистерии Голгофы, всё больше и больше распространялся новый способ созерцания, впрочем, подготавливавшийся уже в Греции, ибо эти вещи не входят друг в друга резко, а подготавливаются и медленно угасают. В Греции подготавливалось то, что стало интенсивным, по сути дела, только в самое последнее время, что особенно проявилось в развитии человечества главным образом на европейском Западе с середины XV столетия и достигло затем своей высокой точки только в XIX столетии, но отчётливым стало уже в XVIII столетии. Дело состоит в том, что древнее, пронизанное духом, созерцание небесных далей превратилось в абстрактную математику и механику; так что небо мы обозреваем в галилео-кеплеровском духе, как если бы оно было постижимо как большой объект математики и механики; а то, что мы называем восприятиями, надо ограничить лишь тем, что нам сообщают органы чувств; и сила восприятия всего человечества, инстинктивно существовавшая в древние времена, перестала быть деятельной.

Мы ведь часто говорили, что человечество снова должно вернуться к развитию видения. Поднимающееся во внутреннем в качестве математики и механики должно снова развиваться до имажинации. То, что снаружи применимо только к коврам чувств, обычно приводит к спекулированию и развитию всяких механических теорий по поводу чувственных процессов, где говорят о всяких волновых колебаниях или тому подобном - это снова должно быть подчинено инспиративному видению. Благодаря этому человечество снова соединится со своим собственным истоком, - с духовным, являющимся ведь самым исконным существом человека. Итак, из этих древних времён в качестве последних остатков мы получили математическое воззрение и внешнее чувственное созерцание. И что же с этим появилось в развитии человечества?

Давайте-ка посмотрим на XVIII столетие. Пойдём назад до английского философа Локка (22), который приобрёл такое большое влияние на развитие науки. Здесь прежде всего мы находим указание Локка на так называемое познание, которое в настоящее время сообщается через органы чувств, как на единственно возможное.

Математически могло комбинироваться только чувственное созерцание, так как внешнее чувственное созерцание было только-только получено - особенно на Западе, Восток всему этому противился - и абстрактно-математическим как раз стало внутреннее созерцание.

Во Франции в XVIII столетии выявляются попытки понять человека, дать ответ на вопрос: Что же такое человек? Стремятся узнать человека посредством того, что может теперь открыть силой познания сам человек. И возникло такое произведение как «Человек машина» де Ламетри (23). Это произведение возникло не из пустой фантазии человека, а возникло оно из всемирно-исторической необходимости развития человечества. В прадревние времена этому соответствовало бы - постижение человека из всего космоса, из всех знаний, которые древняя астрономия могла получить о небесных явлениях, постижение человека в определённой степени с помощью качественной математики, являющейся, однако, ничем иным, как древней астрономией, или, пожалуй вы скажете, астрологией; исходя из этого постигали человека. Тут человека постигали конкретно, хотя и не с нашими сознательными возможностями познания, но всё же с инстинктивными возможностями познания древних.

Что же от этого осталось? Во вселенной представили себе математические, только чисто абстрактно распростёртые линии и силы, как могли их внутренне абстрактно охватить. Человека хотели представить себе как машину. Остроумное сочинение,

стремящееся представить человека только судя по математически-механическим силам, затем продолжало обитать в XIX столетии и заполонило все научные воззрения. Против этого протестовали, по крайней мере, теоретически. Говорили: "Однако, так это не может быть, тут должно быть действенным в человеке ещё что-то другое". Но ничего другого не прилагали, хотя философско-теоретически и соглашались, что так, как это изображено в произведении «Человек машина», не может быть. Однако для понимания человека не применяли никаких других сил, кроме тех, которые, по сути, применяют также и к пониманию машины. Люди должны были однажды пройти через развитие духа, правда, духа, существующего в абстрактном смысле, который, однако, может постигать только механически-минеральное, так как является как раз духом только в абстрактном смысле. Вот благодаря этому к человеку и пришло осознание свободы. Пусть в Западной Европе стремление к свободе проявилось в XVIII веке ещё так беспорядочно, есть внутренняя связь между тем убогим познанием человека, высканнанным в «Человеке машине», и тем стремлением к человеческой свободе, как оно выразилось во Французской революции. С одной стороны, ужаснейший декаданс познания из внутренних сил, с другой стороны, интенсивное требование человеческого достоинства в свободе.

Второе, созерцание, которое человек лелеял во внутреннем, было загнано в органы чувств и поблкло до внешнего чувственного созерцания. В нём не возникло больше ничего из того, что в созерцании ведёт человека к человеку; тут осталось как социальный двигатель только ощущение. И затем в XIX столетии появились главным образом в Средней Европе (в странах Запада даже уже в XVIII столетии) те личности - на Западе Дюпюи (24), потом в Средней Европе такие духи, как Людвиг Фейербах (25) и другие, - которые своеобразно, как всё подобное понималось тогда в Средней Европе, вспоминали, что человечество в ходе своего развития при выглядывании в макрокосм видело духовное, видело богов или, наконец, бога. Но тут выступал сильный инстинкт: когда я выгляжу во внешний мир, ведь тут я имею только чувственный ковёр, тут я получаю только то, что дано чувственным восприятием. То, что тут сообщается об увиденном когда-то в сиянии звёзд, которые ведь тоже прежде всего являются материальными вещами, о том, что было дано как духовное содержание минерального и растительного мира, это - так говорится - поэтический вымысел, это всё антропоморфизм, это из своей фантазии люди внесли во внешний мир. Не боги создали людей, а люди создали богов, исходя из своего душевного существа. - Сначала Дюпюи, а затем такие люди, как, например, Людвиг Фейербах, в середине XIX столетия поставили это перед людьми.

С другой стороны, потом такой дух как Дарвин и те, кто думали подобным образом, воспользовались тем, что человек в качестве созерцания имеет только чувственное созерцание. Они основали учение, в котором должно было жить только это внешнее чувственное созерцание. И тут оказалось: с помощью этого учения нельзя понять человека. Эволюционная теория дана в грандиозном построении идей от простейших организмов вплоть до сложнейших, и человек поставлен на вершину животного мира. Что же поняли в человеке? Поняли то, что могли созерцать внешне только с помощью чувственного восприятия.

Если во Франции в XVIII столетии вообразили, что человек является машиной, то уже в XIX столетии человека увидели снаружи и как раз не проникли во внутреннее человека. Предлагалась только оболочка человека. Но эта человеческая оболочка находится на вершине животного царства. Однако, то, что охватывает эта человеческая оболочка, находится вовсе не на вершине животного царства, а происходит из совсем другого мира, о котором уже не имели никакого представления, так как имело место только чувственное созерцание, до которого развилось древнее ясновидение, так как существовали только математика и механика, в которые преобразовалась древняя астрономия, бывшая живой духовной наукой. Хотя с помощью внутренней науки могли конструировать человека лишь как машину, с помощью внешней науки вообще не могли конструировать человека, а только его оболочку. Постепенно человек затерялся. И, по сути дела, сегодня ведь даже не осознают, насколько именно в познании утрачен человек. Животных препарируют, занимаются их физиологией и потом с некоторыми изменениями переносят на человека. Но сегодняшнее устремление не получает истинного познания. Ныне человек не может добыть никакого осознания человека из того, что он как раз считает наивысшим авторитетом - из науки. Нашему научному настрою предшествовал человек в качестве машины, предшествовало понятие чувственного внешнего мира, внутри которого не может быть найден человек.

В одной из новых книг (26) - ведь с тех пор опять уже появилось новое, в конце концов брошюры, которые должны сегодня противостоять антропософии, превратились в целые книги - в предпоследней болельщиной книге против антропософии мы находим, сколь многое в антропософии должно напоминать древнюю мифологию. Однако, в действительности в основе такого образа действия лежит только то, что упомянутый автор так же вовсе не понимает антропософию. Автор этого сочинения лицензиат теологии, очень учёный господин. Они ведь все учёные господа - это всегда можно говорить как рефрен, если вспомнить известную речь в «Юлии Цезаре» Шекспира (27): "Они все почтенные мужи". Они ведь все учёные господа, и этот учёный господин именно потому, что совсем не понимает антропософию, обнаруживает что-то совпадающее с древней мифологией.

Мы знаем, что в антропософии речь идет о всеобщем сознательном понимании мира, о понимании мира, осуществляемом таким сознанием, каким обычно внутренне просматривают действительность только в математике, значит, речь идёт поистине не о мифологических поэтических творениях. Но всё же порой, в то время как наша душа глубоко взволнована, мы именно благодаря антропософии обращали внимание на исполненные смысла древние мифологии, на древние мифологические воззрения. Эти древние мифологии абсолютно не являются поэтическим творением в том смысле, каким нечто поэтическое является сегодня, но они произошли из наивных имажинаций, содействующих, однако, определённому содержанию мира. Они только дали образно именно то, что имело в себе это содержание мира. И если позволить действовать на себя глубоко значительному этим образом, то в этих древних образах проявляется порой нечто совершенно удивительное по надёжности познания. И сегодня я хотел как раз напомнить о древней индийской поэме (28), которая обращена к Богу Варуне, и которую я хотел бы дать вам примерно следующим образом:

Варуна - простирающий силы во все существа.

Варуна - тот, кто в лесах воздух распространяет.

Варуна - тот, кто в быстроногих животных быстроту вызывает.

Варуна - тот, кто в несущих молоко коровах молоко вызывает.

Варуна - тот, кто в человеческом сердце волю побуждает.

Варуна - тот, кто в водах туч стрелы молний вызывает.

Варуна - тот, кто на небосводе свету Солнца сиять даёт.

Варуна - тот, кто на горе напиток Сома создаёт.

В этом обращении к Варуне мы чудесным образом находим то, что я излагал вам вчера. Если мы сначала постигаем то, что входит в человека из внутренних сил Земли, в его физическое и его эфирное тела - так что тогда только астральное тело и «Я» могут подниматься в его сознание и изменять его, - итак, если мы понимаем, что тут в сознании действуют земные силы и вызывают то, что тогда, в древние эпохи, стало во внутреннем силами видения, что вообще оживляло внутреннее человека и Земли, то мы найдём осмысленным, когда прежде всего указывается, каков Варуна, Бог превращений, который даёт блуждать ветру, воздуху по лесам, то есть по Земле, покрытой лесами, как то же самое обладающее силами существо, действующая из Земли через животных, вызывает быстроту в лошадях, вызывает жизненную субстанцию в существах, дающих молоко, однако в сердцах людей оно вызывает волевые импульсы, из которых приходило как раз то, что было древним внутренним ясновидением. В этом указании, я бы сказал, мы имеем нечто такое, что объясняет нам способ созерцания пастухов в поле. И в том, что следует теперь, мы получаем то, что объясняет нам особый способ созерцания магов с Востока. Ибо Варуна тот, кто позволяет вызвать стрелы молний в водах туч - выглядывают в макрокосмос и находят там силы, которые узнают в способе магов, - Варуна тот, кто позволяет свету Солнца сиять в небесах, и кто на горе создаёт напиток Сома, то, что так действует в человеке, что он может обозревать мир.

Конечно, тут надо сделать одно замечание. Поэма происходит из того времени, в котором уже не существовало в отношении внешнего мира прадревнего чистейшего созерцания, в котором уже не через чисто духовное осуществление дыхания, как это было прежде в древнее время, когда через вдыхание стремились всасывать то, что тогда давало созерцание мирах далей, но когда - и об этом часто заботились в поздних Мистериях - с помощью известного напитка, приготовляемого из растений, побуждались к созерцанию вовне; так же как позже, когда было утрачено внутреннее созерцание, стремились внутренне возбудить себя употреблением совершенно определённых субстанций. На Востоке для внешнего созерцания макрокосмоса стремились возбудить себя с помощью определённых растительных соков. На Западе потом появилось то, что стремились возбудить себя с помощью внутренних субстанций. В странах Востока

называли напитком Сома (29) то, благодаря чему с помощью внешнего средства, через принятие чего-то, стремились пробудить способность, проявившуюся через магов в своих последних остатках. В странах Запада вплоть до позднего Средневековья, даже ещё вплоть до нового времени, называли камнем мудрых (30) то, что хотели принимать внутрь, чтобы получить мудрость, вызывающую внутреннее восприятие.

В обычных книгах, которые вы захотите изучить по ориентализму, вы повсюду найдёте указание на напиток Сома, на сок Сома. По поводу этого обнаруживаются всякого рода очень остроумные объяснения, потому что люди никогда не исходили из истинной мудрости посвящения и не обращали внимания на то, чем же, собственно, субстанционально является напиток Сома. Точно так же вам указывают во всяких исторических книгах, что, конечно, не известно, какая субстанция есть камень мудрых. Я, разумеется, тоже не намереваюсь говорить об этих обеих субстанциях. Я хотел бы только отметить исполненную юмора ситуацию, когда некая учёность указывала, что невозможно узнать, чем в действительности является сок Сома, несмотря на то, что большое число людей пьёт литрами этот сок Сома, который, как сообщалось здесь в песне к Варуне, растёт на горе. И так же указывается на то, что существует определённая субстанция в качестве камня Мудрых, но в действительности не известно, что понимают под этим камнем мудрых учёные алхимики, хотя люди настоящего времени тоже килограммами сжигают этот камень мудрых. Дело только в том, чтобы эти вещи видеть в правильном свете. Это удивительно, что, по сути дела, чем-то в высшей мере неизвестным часто представляется то, что очень знакомо людям, и это происходит потому, что они не знают, как связан их сегодняшней способ созерцания с тем способом созерцания, который отличается от нашего относительно короткое время.

Но мы должны как раз полностью уяснить себе, что, по сути, мы сегодня смотрим на мир сквозь самые плохие очки и, несмотря на наше научное образование, не знаем значения ближайшего, не знаем действия иных субстанций, применяемых в повседневной жизни. Мы находимся внутри этих воздействий, мы их испытываем. Но несмотря на это учёность не знает, чем является напиток Сома, как не знает она, что такое камень Мудрых, хотя найдёшь лишь немногих людей, которым мало знакомы упомянутые субстанции - они только не знают, каковы они. Точно так же можно сказать: современные люди видят, что во взаимодействии между банками и промышленными предприятиями кое-что происходит и большинство людей стригут свои купоны с соответствующих, получаемых ими ценных бумаг, но они так же мало знают, что, собственно, это значит в единой связи социальной жизни, как не знают они другого, только что привиденного. Наш способ созерцания как раз всецело таков, что он надевает нам очки, то есть, осуществляется сквозь очки, так что, даже выполняя наши повседневные функции, мы в действительности не узнаём что-либо о внутренней связи мира.

Это удивительно, как сегодня люди стремятся оставаться внутри этих, плавающих на поверхности, понятий, как они не хотят, с одной стороны, погружаться в новое внутреннее, а с другой стороны, всплывать и развиваться в направлении нового внешнего знания. Порой из смутных ощущений у человека вырывается наружу то, чего бессознательно уже хочет в действительности большинство людей, но они боятся поднять это желание в сознание.

На днях один наш друг дал мне «*Рейнскую музыкально-театральную газету*» (31). Первая статья этой газеты рассказывает кое-что из профессиональных переживаний одного музыканта, значит из непосредственного опыта в особом случае жизни. Чрезвычайно интересно то, что некто излагает тут из частного переживания. Я зачитаю из этого только некоторые главы. Например, мы читаем там: "Вместе со всеобщим социальным и хозяйственным переворотом к этой внутренней проблеме музыки теперь приближается внешняя - проблема новой публики, которая подходит к искусству довольно неподготовленной. Какое искусство обладает непреходящей ценностью и как соединить искусство и народ? На сегодняшний день оба эти вопроса являются особенно важными".

Надо сказать, что большинство людей ещё даже не ощутили значения этих вопросов; здесь, по крайней мере, чувствуют значение этих вопросов, ибо эти вопросы существуют, отягощая мир страшной тяжестью. "Многие, очень многие проблемы решались бы лучше и легче, если бы сословие музыкантов было бы организовано. Но у нас ещё нет палаты музыкантов, которая могла бы представлять общие интересы музыкантов всех специальностей; реально ещё даже не объединились отдельные группировки".

Тут автор размышляет о соответствующей организации. Теперь он говорит: "Едва ли какой-нибудь из союзов охватывает всех товарищей сословия; но, пожалуй, самыми

сильными являются немецкий союз музыкантов, особенно охватывающий оркестровых музыкантов, далее организации владельцев нотных магазинов, которые ведь имеют общий базис благод~~а~~ря своим экономическим целям. Затем с большим ~~о~~т~~в~~етом следуют различные группы академических и неакадемических учителей музыки, учителей пения в школах, органистов, дирижёров и критиков, а также творящих и воспроизводящих музыкантов. Здесь мн~~о~~г~~и~~х изолировали собственное важничанье и соперн~~и~~чество. Ещё многого нехватает, чтобы все работники духовных профессий осознали необходимость общ~~е~~ст~~в~~енного единения. Всё же происходит так, что в музыкальной области, особенно по всем социальным вопросам, вл~~а~~ст~~в~~уют вовсе не специалисты, знающие, что необх~~о~~д~~и~~мо, но вершат эти дела дилетанты (прежде всего в большом государственном плане, а также и в узком провинциальном общественном управлении) и в наше время - в зависимости от силы партии - политики, проявляющие заботу об искусстве в известной мере только параллельно, часто, наверно, с доброй волей, но всё же часто и без необходимого знания дела и объективности. Так получается, что прежде всего г~~о~~с~~у~~дарство оказывается почти полностью несосто~~я~~тельным в отношении справедливых требований м~~у~~зыки. Но это явление относится не только к музыке, оно типично для всех культурных дел. Из осознания того, что также и хозяйственными вопросами народа не в состоянии разумно заниматься политически ори~~е~~нтированные до сих пор существующие народные представительства, недавно был образован новый «Хозяйственный совет». При примерно 400 местах в нём, искусству было предоставлено едва три места; так скромно оценивают его значение! И если мы даже считаем, что одного-двух голосов недостаточно, чт~~о~~бы представлять интересы положения немецких м~~у~~зыкантов даже в одних чисто хозяйственных вопр~~о~~сах, то мы должны всё-таки поставить вопросы: где вообще будут обсуждать культурные интересы нар~~о~~да? Существовавшее до сих пор обсуждение в парл~~а~~ментах мы отклоняем. Ни один профессиональный музыкант не представляет наше знание в Рейхстаге, и даже будь их десять или двадцать, они всё же не см~~о~~гут бы ничего сделать там, где говорят и голосуют с партийных точек зрения.

Так остаётся только один путь, логичный и ясный, и поэтому однажды вступят на него для блага всего нашего народа. Наряду с *политическим парламентом*, который управляет правовым положением отдельной личности по отношению к обществу и всего народа - по отношению к интернациональному миру, и наряду с *хозяйственным советом*, который должен заботит~~ь~~ся о материальных основах жизни народа, нам нужен *совет по культуре*, который заботится о духовных вещах и в его задачу входит их продвижение.

Мысль об этой трёхчленности не нова. Но она только недавно точно сформулирована доктором *Р~~а~~йфольфом Штайнером* и теперь пропагандируется ко~~н~~ф~~е~~р~~е~~н~~с~~ом союзом «Трёхчленность социального организма», Штутгарт, Хампингштрассе 17, от которой дальне~~ш~~ий материал по этому вопросу может получить вс~~я~~кий.

Кто однажды вдумался в этот вопрос, тому трудно снова освободиться от этой мысли, настолько она ясна и так надёжно решает проблемы, над которыми мы безуспешно бьёмся уже длительное время. Осущест~~в~~ление этого приведёт и должно привести жизнь всего нашего народа к выздоровлению!"

Я читаю вам это на том основании, что вы здесь, исходя из одной вполне конкретной специальности, стремитесь к трёхчленности. Однако, тут приходят те, которым именно здесь должно быть отказано, те, к~~о~~торые, собственно, имеют только внешнее политич~~е~~ское воспитание и находят, что эта трёхчленность я~~в~~ляется утопией. Нет, она никакая не утопия, она взята как раз из внутреннейшего ощущения каждой отдел~~ь~~ной специальности. И каждый отдельный человек, стоящий внутри вполне определённой специальности, во вполне определённой области, как в данном случае тот, кто написал эту статью (а это ответственный р~~е~~дактор газеты; редкость, когда подобным образом н~~е~~ пишут ответственные редакторы газет), каждый отдельный человек, находящийся внутри конкретной, определённой ситуации, может ощутить, как именно практическое рассмотрение жизни может привести к тому, что в конце концов скажешь себе: "Кто однажды вдумался в этот вопрос, тому трудно снова освоб~~о~~диться от этой мысли, настолько она ясна и так н~~а~~дёжно решает проблемы, над которыми мы безуспеш~~н~~о бьёмся уже длительное время. Осуществление эт~~о~~го приведёт и должно привести жизнь всего нашего народа к выздоровлению!"

Что ж, обозначенное здесь в качестве элемента, который в особенности необходимо было основать, - совет по культуре - был организован и в этом мае этому исполнился год. И этот совет по культуре ид~~е~~л, сегодня он забыт. Меньше всего его поняли те, кто занимал какое-либо высокое положение именно в хозяйственной или в художественной жизни.

Это то, что всё больше и больше должно подчёркиваться: мы очень сильно нуждаемся в том, чтобы чрезвычайно серьёзно принимать сегодня эти вещи! Люди находят неудобным это серьёзное принятие вещей. Они хотят всё снова и снова верить, что дальше уже всё пойдёт своим чередом. Нет, не пойдёт дальше всё своим чередом! Если продолжать жить так, как живётся без импульсов, исходящих из духовного мира, то можно дальше заниматься промышленностью, могут тут существовать банки, могут существовать университеты, в которых изучаются всевозможные науки, могут дальше развиваться другие профессии - всё приведёт к декадансу, к варварству, к нисхождению цивилизации. Кто не хочет встраивать в непосредственную жизнь то, что приходит из духовной науки, тот, собственно говоря, не хочет восхождения, он хочет нисхождения. И большинство людей сегодня стремится к нисхождению и только обманывает себя, что из нисхождения ещё может прийти подъём.

Это то, что я прежде всего хотел здесь особо подчеркнуть с разных точек зрения в связи с этим праздником Рождества. Предоставьте, однако, другим людям и дальше в старом смысле следовать теми привычными путями, которые в новое время всегда завершались как большая жизненная ложь! Эта жизненная ложь встретилась мне, когда я был молодым человеком. В отношении жизни, фактов, правды жизни я весьма хорошо разбирался во всём крайне интернациональном, и во всём том, что поистине не связано тесно с симпатией или антипатией к какой-либо человеческой расе, ибо я долгое время, многие годы был воспитателем в одном еврейском семействе (32). Но каждый год, когда приближалось время Рождества, тут собиралась вся родня, дальние и близкие родственники, все удирали - и всё это полностью принадлежало иудейству, - чтобы купить рождественские подарки, чтобы, в конце концов купить рождественскую ёлку. И всё это совершалось именно так, как это делало и другое население, называвшее себя христианами. И всё это совершалось в честь того, кого люди чтят фразой: "Ныне для нас родился Спаситель!" Столь сильно эти вещи стали фразой. Только люди не хотят себе признаться, как сильно эти вещи стали фразой, как они перестали иметь содержание! Сегодня и уже давно совсем безразлично - садится к ёлке и кладёт под неё подарки тот, кто соединён со Спасителем живым сердечным содержанием, или же кто-нибудь, кто закоснел в каком-либо предписании, отклоняется от Спасителя, - безразлично кто садится под рождественскую ёлку и раздаёт под ней подарки! В таких вещах надо видеть реально возникшую ложь человечества, действительно ставшую фразой в нашей цивилизации. Такие вещи необходимо рассматривать серьёзно. Сегодня дело не в том, чтобы сказать примерно следующее: Нельзя быть таким радикальным! - ибо не быть радикальным в этом отношении - означает участие в нисхождении человечества с попаданием в опасное положение.

Это то, что по случаю этого праздника Рождества я хотел как раз высказать внутри той территории, в пределах которой теперь действительно совсем ничего нет в старом стиле. Здесь в Гётеануме в нашей архитектуре вы ничего не найдёте от старых архитектурных стилей (33). В том, что кроме этого находится в Гётеануме, в конце концов вы не найдёте также ничего из того, что представлено старыми привычками. Поэтому со многих сторон проявляется такая неинтересность к этому Гётеануму, ведь тут как раз нет ничего от старых привычек. Но здесь ничего и не должно быть, ибо по крайней мере сегодня он должен стать местом - даже если его по-прежнему так сильно не видят, даже если желают его гибели, - он должен стать местом, которое обращало бы внимание на то, что необходимо сегодня человечеству.

Гётеанум не содержит ничего от прежнего. То, что является наукой гётеанизма, которая здесь культивируется, едва ли содержит что-либо от старого. Когда мы основываем что-нибудь для практической жизни, то отклик, идущий навстречу, уже показывает, что именно это тоже не является старым стилем. Что ж, преодолели ли уже всё старое в жизненных привычках все антропософские друзья, об этом умалчивает величавость антропософского докладчика. Но он хотел бы высказать пожелание, чтобы и наши привычки всё больше и больше могли бы входить, вплоть до нашего обхождения с детьми, в то, что мы признаём как необходимость для развития человечества.

Этот год, который мы начинаем этим праздником Рождества, будет нелёгким годом для нашего антропософского развития, - он будет трудным годом. Не уменьшатся силы того, что выступает против нас, а будут всё возрастать. Ибо силы, имеющие интерес в разрушении антропософии, очень деятельны и весьма бодрственны, как я уже не раз говорил. И именно сегодня я хотел бы вспомнить об одном: здесь, на этом месте, когда в Дорнахе должно было основываться «Будущее» (34), стоял наш дорогой друг господин Мольт (35) и говорил о том, что должно было непременно войти также в практическую

жизнь. Он конечно был прав в каждом слове. После него я взял слово и сказал, что за всё то, что необходимо для воплощения антропософских мыслей и идей, и ощущений во внешние практические учреждения, мне не страшно, страшно мне только за одно - так я тогда сказал - найдём ли мы достаточно большое количество людей, которые способны проявить трудолюбие, чтобы таким образом что-либо осуществить.

Это совершенно необходимо - всегда возвращать в мир дельных людей, которые могут развить способности и практически действительно осуществить то, чем может быть антропософия, ибо новые столетия не только несколько притупили человеческое знание, но они фактически оттеснили назад и практические, в сущности, поистине практические способности людей. И надо, чтобы люди пытались из глубочайших подоплёков своего существа - ибо там каждый человек имеет необходимые силы - на самом деле извлечь эти силы. Нам нужно, исходя из глубочайшего внутреннего человека, обновить также и внешние практические силы человечества. Нашему воображению должно представляться: рождение деловитости стремящейся из глубины человека, в противовес неделовитости, которой сегодня мы можем учиться во внешнем мире. Это рождение должно бы нам представляться во всём том, что мы ощущаем как рождественское настроение.

Возьмите также эти вещи в науке, где они встречаются. Несколько дней назад у меня была одна молчаливая изучающая медицину личность и высказалась по поводу различных трудностей своего изучения. Я мог только сказать: Наихудшее, что происходит в настоящее время, это то, что именно в самых важных науках вовсе не развивают человеческие мыслительные силы. Возьмите сегодня в руки какую-нибудь книгу по терапии или патологии: очень часто органы сердца, лёгкие, пищеварительный организм и так далее - всё это складывают рядом в соответствии с внешним чувственным созерцанием, по возможности исключив мышление. И если приходят к какому-нибудь мышлению, то происходит то, что как раз произошло со мной в книге Курта Лейзе (36), лиценциата теологии. Он говорит: "Чтение штайнеровских сочинений раздражает и является непереносимым, так как он приходит к мысли, говорящей о трёхчленности человека, и тут следует представлять себе, что три члена существуют теперь не рядом, а друг в друге". - Это виртуозная пьеса мыслей, считает лиценциат теологии Курт Лейзе.

Того, кто сегодня в наших университетах становится лиценциатом теологии, обучение основательно отучает именно мыслить! Тогда-то он и находит раздражающим и невыносимым, если от него требуется -мыслить; кроме того, именно это он находит самым неудобным. Но затем дело доходит до того, что всё, проистекающее у человека из наивнутреннейшего, например даже правдивость, выявляется и среди водителей христианства так, как, к примеру, у того пастора, который ведь не говорил о каком-то пьянице, рассказавшем ему, что здесь создаётся статуя Христа, имеющая сверху - он это приводит как точный факт (37) - люциферические черты, а внизу животные признаки, но он приводит это как нечто твёрдо известное ему. То есть, совершенно объективную ложь он помещает в книгу, с помощью которой собирается характеризовать антропософию. И люди принимают такие вещи, не порицая их и не протестуя против этого. Полагаете ли вы, что может наступить какое-либо социальное выздоровление, если между делом в социальном порядке возможны такие вещи? Если вы так думаете, то предаётесь ложной надежде. Человеку необходимо развивать здравый смысл в отношении того, что является моральным сорняком. Дело вовсе не в том, нападают ли на антропософию или нет, но дело в том, что появилась тут книга, в которой находится не единичная ложь, а она полностью ложь. Кто пишет такую ложь в этой книге, пишет её, конечно, и в своих других книгах. Это привычка. И это, по сути, живёт в том, что преподносится молодёжи. За этим надо зорко следить. Нельзя упускать случая обратить на это внимание.

Ибо наконец, если дитя, лежащее в яслях, и должно нам что-то сказать, то это вот что: "Необходимо оздоравливающее обновление самого глубочайшего, что живёт внутри человека". Мы должны прийти к новому провозвестию того, что, с одной стороны, возвещалось бедным пастухам в поле, и с другой стороны - мудрым магам с Востока. Мы должны, исходя из этого основания, суметь понять, что в человеческом развитии действительно является целящим, спасительным. Только тогда мы достойны сказать: "Для нас родился Спаситель". - Это нам необходимо. На это я хотел указать ещё раз, прежде чем на совсем короткое время, мы прервём здесь доклады.

Примечания.

Труды Рудольфа Штайнера, изданные в полном собрании сочинений (GA), даются с библиографическим номером и годом выпуска последнего издания. Смотри также обзор в конце книги.

1. ... мальчиков Иисусов. См. кроме того высказывание Рудольфа Штайнера в «Евангелие от Луки» (10 докладов, Базель 1909), библиография №114, GA 1977.
2. *Измените сознание.* Матфей (евангелист) 3, 2; 4, 17.
3. ... в одном, не признанном церковью Евангелии. В так называемом «Арабском Евангелии о детстве» («Arabischen Kindheitsevangelium») дитя говорил своей матери Марии: "Я Иисус, божественный Сын, Мировое Слово. Ты родила меня так, как **якобы** это возвестил Ангел Габриэль. Мой Отец **послал** меня для спасения мира". См. «Детство Иисуса, два апокрифических Евангелия», перевод (на немецкий язык) и вступление лицензиата Эмиля Бока, Мюнхен 1924, с. 115.
4. *Дионисий Ареопагит* упоминается в «Деяниях Апостолов» 17, 34 как ученик Павла. Около 500 г. **после** Р. X. под его именем появился ряд теологических мистических сочинений. Немецкое издание: «Die angeblichen Schriften des Areopagiten Dionysius». («Мнимые сочинения Дионисия Ареопагита») перевод J. G. V. Engelhardt, 2 тома, Sulzbach 1823; сравни, Р. Штайнер «Христианство как мистический факт» (1902), библиография №7, GA 1976, также доклады от 15 апреля и 2 июня 1921 в цикле «Перспективы развития человечества» (17 докладов Дорнах 1921), библиография № 204, GA 1979.
5. ... *Солнце памятником Бога:* цитату не смогли подтвердить по форме. Сравни также сочинения Дионисия («Об именах Бога») «Von den Namen Gottes», гл. V, § 8.
6. *Аврелий Августин*, 354-430, отец церкви; см. также Р. Штайнер, «Христианство как мистический факт» и «Перспективы развития человечества» (см. выше).
7. ... у *Августина*, и даже у *схоластов*, мы ещё... находим указание на то, что... во внешних **состоятиях**... Смотри у Августина, например «Bekenntnisse» («Исповедь»), книга XIII, глава 18. Сравни с духовно-исторической подосновой также у Р. Штайнера «Философия Фомы Аквинского» (3 доклада, Дорнах 1920), библиография № 74, GA 1967 (также в виде карманного издания).
8. Рудольф Штайнер «*Духовное водительство человека и человечества*» (1911), библиография №15 GA 1974 (также карманное издание).
9. ... *Кеплер высказывается... радикально:* В предисловии к 5 тому «Harmonices mundi» 1619 (переведено Максом Каспаром в «Johannes Kepler», Штутгарт, 3 издание, с. 316), дословно это значит: "Да, я тот, кто похитил золотые сосуды Египта, чтобы соорудить из них святилище для моего **Бога**, вдали от границ Египта. Если вы меня простите, я буду радоваться, если вы сердитесь, я это **перенесу** (перенесу); - здесь я бросаю игральную кость и пишу эту книгу для сегодняшнего читателя, как для будущего - что зависит от этого?".
10. Рудольф Штайнер «*Христианство как мистический факт* и Мистерии древности» (1902), библиография № 8, GA 1976 (также карманное издание).
11. *Одна из этих пирамид:* Предположительно пирамида Хеопса, которая называлась «Ta Chut», свет.
12. "*Для нас рождается Спаситель*": Сравни с. 109 в книге «Христианство как мистический факт», см. примечание № 10.
13. ... в *наше время легенда об Изиде...*: Сравни кроме того доклад от 6 января 1918 в «Истины Мистерий и рождественский импульс. Древние мифы и их значение» (16 докладов, Базель и Дорнах 1917 / 1918), библиография № 180, GA 1980.
14. ... *когда Ариман действует во внутреннем:* Сравни с этим «Полярность длительности и развития» (15 докладов, Дорнах 1918) библиография № 184, GA 1968, 11-тый доклад. В предыдущем издании по причине ошибочной записи допущена ошибка и здесь **исправлена**.
15. *Эта мудрость, существовавшая в своей последней форме у гностиков...*: Сравни доклад от 28 декабря 1913 в цикле «Христос и духовный мир. О поиске Святого Грааля» (6 докладов, Лейпциг 1913 / 1914), библиография № 149, GA 1977. Смотри также G. R. S. Mead, «Fragmente eines verschollenen Glaubens» (Обломки исчезнувшей веры) немецкое von A. v. Ulrich, Берлин 1902г.
16. ... *этот... единый свет, к которому обратился Гёте в своём учении о цвете...*: см. также сочинение Гёте «Вероисповедание автора», естественные научные сочинения, издано под редакцией Рудольфа Штайнера, Дорнах 1975, том V, с. 120-138; также глава «Рассмотрение мира цвета» в книге Р. Штайнера «Мировоззрение Гёте» (1897), библиография № 6, GA 1963 (также карманное издание).
17. *Я говорил, что греки... не видели синий цвет...*: Сравни доклад от 24 марта 1920 «Антропософия и современные науки», тетрадь V серии «Духовная наука и жизненные требования современности», Дорнах 1950 (предусмотрено в библиографии № 334).
18. ..., *которое Новалис так прекрасно воспел...*: Смотри „Mathematische Fragmente" (Математические фрагменты) в IV томе собрания сочинений, изданных под редакцией Карла Зейлига (Seelig), Цюрих 1946, с. 226 и далее.
19. Рудольф Штайнер «*Как достигнуть познания высших миров?*» (1904), библиография № 10, GA 1975 (также в виде карманного издания).
20. ... *если воспользоваться этим выражением Платона* (геометризировала): "Слово передано Платоном, что Бог «геометризирует»" (Плутарх, Quaest. conv. VIII, 2).
21. ... *в тысячулетия, предшествующие исходу с плоскогорья Туран того, что потом стало египто-халдейской, греческой культурой...*: Сравни доклад от 1 сентября 1910 Рудольфа Штайнера «Евангелие от Матфея» (12 докладов, Берн 1910) библиография № 123, GA 1978.
22. *Джон Локк*, 1632-1704, главный представитель английского эмпиризма.
23. *Жюльен Офре де Ламетри*, 1709-1751, «L' homme machine», 1748 (человек машина).
24. *Шарль Франсуа Дююю*, 1742-1809, в «Origines de tous les cultes ou religion universelle» (1794) толковал мифы и религию как астрономические и философские аллегории.
25. *Людвиг Фейербах*, 1804-1872, философ.
26. *В одной из новых книг:* Лицензиат теологии Курт Лейзе (Kurt Leese) «Moderne Theosophie. Ein Beitrag zum Verständnis der geistigen Strömungen der Gegenwart» (Современная теософия. К вопросу понимания духовных течений современности), Берлин 1920.
27. ... *известную речь в «Юлии Цезаре» Шекспира.* В 3-ем акте, 2 сцена.
28. ... *о древней индийской поэме:* «Ригведа», примерно 1500-1000 до Р. X. - Сравни «Der Rigveda, die älteste Literatur der Inder» (Ригведа, древнейшая литература индийцев) Адольфа Каеги, Лейпциг 1881г.
29. ... *называли напитком Сомы:* Общепринятое объяснение: сок растения сома, смешанный с

моноклом или ячменём и перебродивший, некий вид ритуального технологического процесса (einer sactostemma-Art), чья возбуждающая и хмельная сила почиталась как бог «Сома», уподоблялся греческому Дионису. - Смотри А. Каеги «Ригведа...» Лейпциг 1881, особенно с. 99 и 219.

30. ... *камень Мудрых*: Сравни тоже высказывание Вольфа Штайнера 29 сентября 1905 в «Основных элементах эзотерики» (Записи эзотерического учебного курса, 31 доклад, Берлин 1905) библ. № 93а, GA 1976, с. 39-41.

31. «Рейнская музыкально-театральная газета» («Rheinische Musik- und Theater-Zeitung»): Статья в №№ 40/41, Октябрь 1920, Кёльн.

32. ... *я... многие годы был воспитателем в одном еврейском семействе*: У агента по хлопку Ладислава Шпехта в Вене. См. «Мой жизненный путь», глава VI, библ. № 28 GA 1968.

33. ... *в нашей архитектуре вы ничего не найдёте от старых архитектурных стилей*: Сравни тоже «Пути к новому архитектурному стилю». (5 докладов, Дорнах 1914), Штутгарт 1957; и «Архитектурная идея Гётеанума» (один доклад, Берн 1921), Штутгарт 1958.

34. «Будущее»: Объединение «Будущее», экономическое общество для интернационального требования хозяйственных и духовных ценностей, основано 16 июня 1920 г. как ассоциативная организация в смысле социальной трёхчленности. Эта организация не смогла удержаться вследствие всеобщего экономического кризиса и вынуждена была ликвидироваться в 1924 г.

35. *Эмиль Мольт*, 1876-1936, коммерции советник; владелец сигаретной фабрики Вальдорф-Астория в Штутгарте. Основатель свободной вальдорфской школы и основатель объединения «Будущее».

36. ... *в книге Курта Лейзе*: Сравни примечание №26. В названной книге на с. 58 говорят: "Такого рода виртуозные пьесы замысловатых изыществ, которые с самого начала идеально служат заранее намеченной схеме, делают чтение сочинений Штайнера не только слишком трудным,... но даже слишком раздражающим и несносным".

37... *у того пастора, который... -он это приводит как точный факт -...:* Доктор теологии, лицензиат J. Frohnmeyer (Фронмейер), в первом издании книги «Теософское движение, его история, изложение и критика». Штутгарт 1920. Автор пытался потом в письме к доктору Штайнеру (23 января 1921) оправдываться, что он почерпнул это из статьи пастора Nydecker (Нидекера), в Базеле, в «Christlichen Volksboten» (Христианские народные вестники) (№23, 1921)!